После развода.

Второй раз я тебя (не) выберу!

Осторожно! Очень горячая история!

Ева Виксен

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ева Виксен

После развода. Второй раз я тебя (не) выберу!

«Автор»
2026

Виксен Е.

После развода. Второй раз я тебя (не) выберу! / Е. Виксен — «Автор», 2026

Все мы умеем любить, когда жизнь легка и беззаботна. Но насколько прочным окажется брак, когда романтика разбивается о безденежье, а день за днём семью пожирают проблемы? Марина и Максим были друг для друга всем. Они вместе с детдома, их связь казалась нерушимой. Пока не наступил кризис. Предательство, горькие ошибки и чужая роскошная жизнь... Смогут ли они быть вместе после пройденного или точка невозврата уже пройдена?

© Виксен Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 5
Визуал 6
Глава 1: Точка А - Марина 7
Глава 2: Ночная эвакуация - Марина 12
Глава 3: Разлетимся на свободу - Марина 15
Глава 4: Сладкая отрава и оторва - Максим 18
Глава 5: Доброе утро, новая реальность - Марина 22
Глава 6: Пощёчина правды - Марина 25
Глава 7: Власть на одну ночь - Марина 28
Глава 8: Пощекочи меня ресничками - Марина 33
Глава 9: Звонок из прошлого - Марина 37
Глава 10: Горькое послевкусие - Максим 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

После развода. Второй раз я тебя (не) выберу!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СТРОГО 18+. Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетних читателей.

Настоящее художественное произведение может содержать подробные сцены эротического характера, ненормативную лексику, а также упоминание алкогольной продукции, табачных изделий и иных психоактивных веществ. **Автор напоминает, что употребление алкоголя, табака и любых психоактивных веществ вредит вашему здоровью.** Данные упоминания продиктованы исключительно художественным замыслом, не являются рекламой, романтизацией или пропагандой девиантного поведения и употребления каких-либо веществ.

Все персонажи, имена, фамилии, локации, организации и события в книге являются полностью вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), существующими компаниями, брендами или событиями абсолютно случайны.

Произведение носит исключительно развлекательный характер, является художественным вымыслом и не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, взгляды, религиозные или политические убеждения.

Начиная или продолжая чтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет, и вы берёте на себя полную ответственность за ознакомление с данным текстовым материалом.

Визуал

Марина Викторовна Кутасова
32 года
сильная, но уставшая
талантливая швея
мечтает о своём деле
доверчивая, любит до потери пульса
наивная, но умеет давать отпор
не идеальна, но настоящая
Была любовь...
Я тоже имею право на счастье!
любовь...
Максим
33 года
муж, но уже не опора
загадочный, холодный
думает только о деньгах
предаёт, но всё ещё привлекает
любит?... возможно. Но боится.
Он сделал выбор. Но не в мою пользу...
После развода
Второй раз я тебя (не) выберу!
Моё дело
швейная мастерская
свой уголок
клиентки
рост и развитие
моя мечта
Я создала это сама! И не отдам!
Тропы
Второй шанс
от ненависти к страсти
драма → юмор → эротика → спокойствие
развод / предательство
самореализация
хэппи-энд
Мне нужна не только любовь. Мне нужна и я сама...
События
успехи в продажах на маркетплейсе
отзывы и рост
приход мужа домой и неприятный сюрприз
договор с Алиной
потеря места
борьба за своё
ДОГОВОР
ПОДПИСАНО
"Ты отдал ей моё детище?!"
Я умею бороться. Даже когда очень страшно.
Я ещё вернусь... Но уже — другая...
Иногда развод — это не конец, а начало...
Хорошие девочки тоже умеют быть счастливыми и очень, очень страстными...
Цель
вернуть своё
создать с нуля
быть счастливой
любить и быть любимой
не потерять себя
Моя новая история

Глава 1: Точка А - Марина

На сковороде аппетитно скворчали дожаривающиеся котлетки, наполняя кухню ароматом чеснока и поджаренной корочки. На тумбочке у входа, прямо на куче рекламных буклетов, лежал плотный белый конверт с логотипом банка — нераспечатанный, с красной пометкой «Досудебное уведомление». Я старалась на него не смотреть. Сегодня был слишком хороший день, чтобы портить его бумажками!

Шкварчание масла перебил знакомый короткий джингл приложения. Экран высветил уведомление от маркетплейса: *«Вам оставлен новый отзыв! Оценка: 5 звёзд»*.

Я быстро провела пальцем по стеклу и ахнула от накатившей радости: *«Боже, это лучшее бельё в моей жизни! Кружево мягчайшее, нигде не давит, не бесит, не царапает, сидит идеально! Продавцу огромная благодарность!»*

Сердце заколотилось от гордости! Я открыла сводную аналитику за месяц: плюс десять продаж по сравнению с прошлым! Десять! Отзывы стали лучше, а клиентки возвращались! Ура! Ура! Ура! Своими стёртыми от шитья пальцами, вопреки всему, я пробивала эту стену!

В коридоре щёлкнул замок. Я выключила котлетки.

— Макс! — я выскочила из кухни, лучась от счастья. — Ты не представляешь!

Муж вошёл в квартиру, понуро разуваясь. Он выглядел выжатым. Я потянулась к нему, чтобы поцеловать в щёку, желая разделить с ним эту победу и поднять настроение после тяжёлого рабочего дня, но Максим отстранился, подставляя под мои губы жёсткую линию челюсти.

И в этот миг я успела заметить, что воротник его рубашки съехал в сторону, а на шее, чуть ниже уха, алело свежее, натёртое пятно. А ещё от него пахнуло чем-то чужим… Совсем не его дезодорантом. В голове мелькнула странная, непонятная мысль, но радость её перевесила.

— Посмотри! — я развернула к нему яркий экран смартфона, показывая отзыв и графики. — Пять звёзд! И на десять комплектов больше за месяц! Представляешь? Моё продвижение начинает работать, люди возвращаются, меня хвалят!

Максим даже не взглянул на экран. Он мягко, но безучастно отодвинул мою руку с телефоном в сторону, словно я показывала ему фантик от конфеты, и вздохнул, уставившись в стену над моей головой.

— Марина, подожди со своими трусами. Мне нужно кое-что тебе сказать…

Моя улыбка застыла, а потом медленно сползла с лица. Несовпадение наших эмоций отозвалось в груди нехорошим холодком. Да и обидно как-то стало… Макс в последнее время бука букой, вечно без настроения…

— Что сказать?

— С завтрашнего дня всю нашу коммерческую территорию на первом этаже занимает Алина Ладыгина, — вывалил он. — Договор подписан, ключи я ей передал.

Воздух вылетел из моих лёгких. Я замерла, не веря собственным ушам.

— Всю?.. — переспросила я, не удержав возмущения, повысив голос. — В смысле «всю»? А как же… мои двадцать квадратов?

— Марин, ну не начинай, а?! — поморщился он, наконец встретившись со мной взглядом. — Ей нужна вся площадь под бьюти-салон. Ей не нужен твой уголок посреди её кабинетов…

Не нужен мой уголок? МОЙ! ЕЙ НЕ НУЖЕН?! А то, что это площадь моего мужа эта Алина почему-то не подумала? МОЖЕТ БЫТЬ ЭТО МНЕ НЕ НУЖЕН ЕЁ САЛОН РЯДОМ С МОЕЙ ШВЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ?! Я сама, на коленях, отдраивала пол на первом этаже; своими руками собирала деревянные стеллажи, выравнивала свет, чтобы можно было шить нормально. Это был мой островок! Моя отдушинка! Моё единственное место, где я чувствовала себя творцом!

До меня медленно, волна за волной, начал доходить смысл его слов. Счастливый отзыв на экране телефона потух, уступив место колкой обиде.

— Ты… Ты отдал ей моё место?

Мой голос сорвался на постыдный визг, ударившись о голые стены нашей гостиной. В двухкомнатной квартире, купленной в ипотеку два года назад, до сих пор не хватало мебели, уюта и даже плинтусов. Все свободные деньги, все наши накопления ушли на сумасшедшую идею Максима выкупить половину первого этажа в нашей же высотке под сдачу…

— Марина, успокойся, пожалуйста!

Муж с раздражением потёр виски, давая мне понять, что мой дребезжащий тон выводит его из равновесия. Он стоял у окна, ссутулив широкие плечи, одетый в помятую после долгого рабочего дня рубашку. От прежнего целеустремленного парня, с которым мы выросли в одном детдоме, осталась только тень.

— Я тебе говорил не раз и не два, что мы загибаемся! Нам нужно больше зарабатывать, чтобы просто сводить концы с концами, оплачивать счета и гасить кредиты!

— А я что по-твоему делаю?

Горло свело болезненным спазмом обиды, мешающим сделать нормальный вдох.

— Я стараюсь! Я по четырнадцать часов только и делаю, что шью и шью! Думаешь, просто так?! Это ради нас! Посмотри!

Я шагнула к нему, едва не споткнувшись о бахрому ковра, и вытянула перед его лицом свои руки. На бледной коже не было и живого места. Подушечки пальцев покрывала россыпь красных точек от случайных уколов иглой. На указательном пальце краснела застарелая, огрубевшая мозоль от закройных ножниц. Кожу сушило от постоянного контакта с тканями, ногти были коротко острижены ради удобства работы. Я забыла, как выглядит нормальный маникюр, променяв заботу о себе на бесконечные строчки, выкройки и лекала!

Муж поморщился, отводя глаза в сторону, словно вид моих истерзанных рук причинял ему дискомфорт.

— Ты же знаешь, насколько мне важно было иметь своё местечко! Свою собственную мастерскую! Я ведь… Я ведь не могла захламить нашу квартиру… У меня много материалов! Мне нужно место…

Эти слова вырвались наружу вместе со слезами. Моя студия значила для меня гораздо больше, чем кусок бетона на первом этаже. После выпуска из приюта я жила у Захара Андреевича вместе с Максом пусть и в уютном, но всё же чужом доме. Потом появилась наша общая квартира, где каждый сантиметр пропитан долгами, нервами и постоянными планами Максима… А эта студия принадлежала только мне! Это был мой личный островок! Да, пусть мой труд и не приносил баснословных денег, но он делал счастливой меня и моих клиенток! И деньги пусть и были небольшими, но зато честными!

— Марина, нам нечем платить за кредит! Банк угрожает штрафными санкциями. Ты не платишь за аренду, не скидываешься на коммуналку за свои метры…

— Ах!

Я посмотрела на него в полном шоке, распахнув глаза. Эти меркантильные слова отозвались второй, ещё более унизительной пощёчиной.

— То есть твоя законная жена должна платить тебе аренду за право работать на благо нашей семьи?

— Марина, прекрати устраивать драму из нифига!

Максим прошёлся по комнате, его пальцы то и дело ныряли в карманы, нащупывали мелочь, теребили ключи — лишь бы занять их чем-то, лишь бы не смотреть на меня.

Но я никак не могла успокоиться: мой любимый муж отдал то, что мне дорого другой женщине! Чужой женщине! Мне просто не верилось, это же… это же предательство!

— Как ты мог отдать Ладыгиной мою мастерскую! Ты же… Ты мог отдать ей остальное, но мой кусочек оставить мне!

От этого фамилии во рту появился гадкий, кисло-горький привкус. Я слишком хорошо помнила, как эта ярко-рыжая гадина припёрлась к нам полтора месяца назад. Дорогие шпильки, укладка волосок к волоску и такая фальшивая, ядовитая улыбочка, от которой тошнило и бесило. Она цокала каблучками по пыльной бетонной стяжке, брезгливо поджимая накрашенные губы, и рассматривала мои стеллажи с тканями, будто это была куча мусора. До сих пор в ушах стоял её елейный голосок: «Ой, милочка, ну кому сейчас нужны эти кружавчики? Помещение надо использовать с умом, а не устраивать тут кружок кроя и шитья».

Она уже тогда смерила меня брезгливым взглядом с ног до головы и списала со счетов. Это было неприятно, но я думала, что мой муж меня защитит. Мне и в голову бы не пришло, что моя любимка может вот так со мной поступить!

— Она умеет вести дела, умеет зарабатывать деньги. У нее чёткий бизнес-план, стабильный поток клиентов и готовность вкладывать средства в ремонт. В отличие от твоих трусов, которые покупают полторы калеки через интернет!

Каждое его слово вбивало ржавый гвоздь в крышку гроба нашего брака. Он расхваливал чужую женщину с таким пылом, с таким нескрываемым восхищением, что меня замутило... Максим стоял передо мной и защищал её интересы, попутно обесценивая мой труд, мои бессонные ночи, мои стёртые в кровь пальцы. Но почему? Почему какая-то стерва ему дороже меня?!

Детали начали складываться в пугающе однозначную картинку. Мозаика сошлась, образуя уродливое полотно правды. Я вспомнила его недавние задержки якобы на основной работе. Вспомнила сладковато-тошнотворный аромат чужого парфюма на его пиджаке, который он поспешно закинул в стиральную машину. Вспомнила его стеклянный взгляд, направленный сквозь меня во время ужинов. Он прятал телефон экраном вниз. Он изменил пароль. Он перестал прикасаться ко мне, ссылаясь на чудовищную усталость от проблем с кредиторами. Вот и сегодня он снова пришёл помятый и пахнущий другой женщиной… Боже, да я же слепая! Я всё это время была слепа!

— Как давно?

Мой вопрос прозвучал внезапно ровно на фоне моей общей истерики.

— Как давно что?

Максим напрягся.

— Как давно ты её трахаешь?

— Твою мать, Марина!

Он всплеснул руками, лицо залилось краской. Он отвёл взгляд к потолку, втягивая воздух носом. В этом жесте, в этой секундной заминке содержался самый правдивый ответ. Он даже не попытался изобразить праведный гнев ложно обвинённого человека. Он разозлился на то, что его грязный секрет выплыл наружу в самый неподходящий момент.

Мой муж, мой единственный родной человечек на всей планете, переспал с богатой клиенткой ради решения своих финансовых проблем! Он отдал мою мастерскую, моё убежище, чтобы угодить своей любовнице! Он отдал ей себя…

В ушах зазвенело-запищало. Комната качнулась, пол ушёл из-под ног, а к горлу подступила горечь. Я смотрела на него и не узнавала: передо мной стоял чужой мужчина, для которого я стала просто досадной убыточной статьёй расходов... Боже, как же горько...

Куда исчез тот заботливый парень, готовый биться за нас до последнего? Раньше Максим заслонял меня от любых бед, был моей надёжной стеной!

М-да... Разные умники любят рассуждать, что счастье заключается вне банковских счетов и материальных благ. Какая наивная чушь! Именно хроническая нехватка денег, изматы-

вающая ипотека и растущие долги и растоптали нашу любовь, породив это грязное предательство! Нищета сожрала нас!

Воздух в комнате закончился. Лёгкие сдавило стальными тисками. Я развернулась на негнущихся ногах и пошла в сторону спальни. Движения казались механическими, словно моим телом управлял жестокий кукловод.

Я вытащила из шкафа большую дорожную сумку, бросила её на расстеленную кровать. Руки действовали сами по себе. Я хватала с полок стопки своих футболок, скручивала джинсы, закидывала внутрь бельё. Из верхнего ящика тумбочки на автомате выгребла пластиковую папку. Паспорт, свидетельство о браке, документы на моё ИП... Мой мозг отказывался обрабатывать масштаб катастрофы, сфокусировавшись на простом действии — просто собраться. Сердце колотилось ошалелой птицей, в голове был сплошной туман...

Но я ждала… Всем своим существом, каждой клеточкой кожи я ждала его шагов за спиной. Ждала, что он ворвётся в спальню, вырвет эту чёртову сумку из моих рук, прижмёт к себе. Что он начнёт кричать, оправдываться, умолять простить его ошибку. Что он скажет, как сильно боится потерять меня, что мы придумаем другой способ закрыть эти проклятые кредиты. Мы ведь 16 лет вместе! Мы через столько всего прошли! Я была готова простить его прямо сейчас, лишь бы он показал, что я ему нужна!

Но в квартире царило безмолвие. Прошла секунду, две, три, и никто до сих пор меня не обнял, никто не по оправдывался и не умолял дать второй шанс.

Я застегнула молнию, закинула сумку на плечо. Вышла в коридор, меня потряхивало от переизбытка чувств и от осознания, что я просто не понимаю, как мне быть дальше. Но спустя секунду мною завладела злость.

Максим сидел на табуретке на кухне, ссутулившись и смотрел в окно. Он слышал грохот молнии, слышал мои шаги, но даже не пошевелился. Он не попытался меня остановить...

Я достала из кармана ключи от квартиры, за которые мы расплачивались собственным будущим, и со звоном бросила их на тумбочку. Я хотела бросить напоследок что-то ядовитое, вроде: «Счастливого новоселья с Алиной!», но не стала тратить дыхание. Не хотелось выглядеть ещё более жалкой!

Максим вздрогнул от звона металла по дереву и со злостью схватил свой смартфон со стола. Ну-ну. Пиши своей Алиночке. Зови в гости. Место я ей освободила.

Я схватила свой комплект ключей от мастерской и вышла в подъезд, с силой захлопнув за собой дверь.

Смаргивая злые слёзы, я достала телефон и зашла в приложение такси, чтобы уехать к Светке. Подруга точно пустит переночевать. Я уже вбивала адрес, когда сверху экрана выскочило всплывающее уведомление от банка:

«Внимание! Доступ к общему счёту аннулирован владельцем. Ваша карта заблокирована».

Сорок тысяч, отложенные мной на закупку новой партии ткани, растаяли. Максим обнулил всё, выкинув меня на улицу без единой копейки. Даже за такси заплатить было нечем. Не успела я переварить этот удар, как экран высветил новое сообщение с незнакомого номера:

«Марина, добрый вечер. Максим передал мне ключи от вашей мастерской. Прошу освободить помещение до восьми утра, иначе мои рабочие вынесут весь ваш мусор на помойку. А. Ладыгина».

Паника прокатилась вдоль позвоночника обжигающей волной. Там остались мои ткани, авторские лекала, готовые комплекты белья. Если эта рыжая дрянь выбросит мои вещи, я потеряю свой единственный источник дохода!

Слабость длилась всего пару ударов сердца. Детдомовская привычка выживать взяла верх над накатившим отчаянием. Я стёрла влагу со щёк рукавом толстовки, прогоняя жалкие мысли о собственной беспомощности.

Моя мастерская находилась на первом этаже этой же самой высотки. Мне не нужно такси, чтобы туда спуститься, но мне необходим вместительный транспорт для вывоза оборудования. Я смахнула уведомления и набрала номер Светки.

Длинные гудки в динамике тянулись издевательски долго, испытывая моё терпение.

— Алло? — её хриплый голос мгновенно заставил меня собраться.

— Свет... — из горла вырвался рваный, унизительный всхлип, и я глотнула воздух, пытаясь вытолкнуть из себя хоть слово. — Прости, что поздно... У меня... беда, Свет. Мне срочно нужна твоя машина... Меня выселяют, и я... я не оставлю этим ублюдкам ни одной катушки ниток!

Слёзы хлынули с новой силой, перекрывая дыхание. Подруга задала тысячу и один вопрос, пытаясь разобрать моё сбивчивое бормотание сквозь сопли и всхлипы, но в итоге просто сказала: «Жди, буду через пятнадцать минут».

Я сбросила вызов и прислонилась затылком к стене. Здравый смысл вопил о необходимости развернуться, начать колотить кулаками в дверь и выбивать из Максима свои законные деньги. Закатить грандиозный скандал с битьём посуды и угрозами.

Вместо этого я крепче перехватила ремень дорожной сумки и направилась к лифту. Выпрашивать деньги у предателя означает унижаться и расписываться в собственной беспомощности! Я НЕ БЕСПОМОЩНАЯ! Я ВСЁ СМОГУ БЕЗ НЕГО! Мои швейные машины, оверлок и закупленные ткани в мастерской стоили в десятки раз дороже украденной им суммы. Перебьётся. Ни одной эмоции я больше ему не подарю!

Глава 2: Ночная эвакуация - Марина

Я сидела на крыльце своей мастерской и тупо плакала. Редкие запоздалые прохожие бросали на меня косые взгляды, но никто не подходил. Да и кому есть дело до чужой беды посреди ночи?

Тишину двора огласил резкий шум двигателя, и к тротуару подскочил Светкин минивэн. Дверь распахнулась, и из салона выскочила взъерошенная Светка в спортивном розовом костюме и с битой наперевес.

Я только и успела, что хлопать глазками и испуганно ойкать, глядя на её злющую физиономию.

— Где эти твари?! — с ходу проорала она, вращая глазами, выискивая каких-то тварей.

— Свет... Свет, а ты чего это? Зачем теебе бита?

— Ты ж мне сказала, что твой салон обносят?! Где Макс?! — Походу подруга спросонья не поняла мою невнятную речь по телефону...

— Нет, Светик... — я хлюпнула носом, пытаясь остановить поток соплей. — Всё гораздо хуже... Я ушла от мужа!

У Светы отвисла челюсть:

— Не понял...

Я попыталась как можно короче пересказать суть дела, но кратко не получилось — Света постоянно перебивала и задавала наводящие вопросы. Выслушав весь рассказ, она уселась рядом со мной прямо на ступеньки и положила биту на колени.

— Ты чего? — удивилась я уже какой по счёту раз.

— Чего-чего! Будем встречать дорогих гостей! Я этой шаболде все руки загребущие переломаю!

— Свет! Не надо, умоляю! Просто помоги мне собраться... Я прошу тебя!

— И ты вот так всё просто оставишь? — скривилась Света. — Ну хоть капля гордости у тебя есть, нет?

Я оскорбилась. Её слова полоснули по открытой ране:

— В том-то и дело, что есть! У меня есть гордость, и именно поэтому я не буду марать свои многострадальные руки ни об неё, ни об него! И тебе не советую!

— Пу-пу-пу! — Светка сдула русую прядь с лица.

— Вы долго будете горлопанить?! — Из окна третьего этажа высунулась соседка, под окнами которой мы психовали. — Половина двенадцатого ночи! Людям завтра на работу! Совесть имейте!

Света грозно погрозила ей битой.

— Чо ты мне тут своей культяпкой угрожаешь? Ща цветок на башку скину, будешь знать!

— А ну пошла нахер, овца кучерявая! — прорычала Света, сверля злобным взглядом визгливую соседку в бигуди.

— Заткнулись все! — Выперся ещё один сосед, уже с четвёртого этажа. — А ну заканчивайте балаган, или я полицию вызову!

— Свет, правда... — я придержала её за плечо.

— Писец мля, час от часу не легче! — злобно прошипела подруга, глядя ненавистным взглядом на соседку, которая реально занесла горшок. Вот ведь дура! И цветок-то ей не жалко!

За следующие два часа мы перетаскали в Светкину машину все ткани, оборудование и мелкие вещи. Помещение опустело, снова превратившись в чужую бетонную коробку. Бросить пришлось только мебель — минивэн был не резиновым, да и сил на разборку стеллажей уже не осталось. А ещё на стене, прямо над моим широким раскройным столом, так и осталось висеть

большое пробковое панно. Я подошла ближе и замерла. Грудь сдавило так крепко, словно мне сломали рёбра.

С фотографий на меня смотрели люди, которых больше не существовало. Вот на первом снимке мы с Максом дурачимся на галечном пляже в Ялте — тогда нас сфотографировал Захар Андреевич, и мы смеялись до колик. На третьей карточке мы сидим уже втроём за накрытым новогодним столом: на Максе дурацкий колпак, а я держу бенгальский огонёк, веря, что впереди нас ждёт только счастье. А вот на пятом фото мы стоим на Красной площади, разрумянившиеся, жмущиеся друг к другу от мороза — наш самый первый день после переезда в Москву. Сколько планов у нас тогда было, сколько клятв... Мы выкарабкались из приюта, стали настоящей семьёй, прорвались в столицу. И ради чего? Ради того, чтобы он променял всю нашу историю на смазливую дрянь, готовую оплатить его долги?

Пальцы сами потянулись к краю панно, чтобы снять его со стены, спасти эти осколки прошлой жизни, но я вовремя отдёрнула руку.

Нет. Зачем мне забирать с собой мертвецов? Тот заботливый, любящий парень с крымского пляжа для меня умер. Остался только жалкий, трусливый предатель, который даже не попытался меня остановить. Я резко отвернулась. Пусть эта рыжая дрянь сама срывает наши улыбки и брезгливо швыряет их в мусорный пакет. Мне всё равно.

Под конец я осталась стоять в дверях с ключами от студии в руках. Связку украшал розовый брелочек с сердечком... Стало так тошно, так больно. Я до сих пор не верила, что это происходит со мной.

Света бесцеремонно выхватила у меня ключи и со всего размаху зашвырнула их в густые кусты.

— Эй, ты чего?!

— А вот нефиг! Нужны ему будут ключики? Вот пусть сам и поползает, поищет!

— У него есть свой комплект... Точнее, у Ладыгиной есть...

— Садись уже в машину, у меня ребёнок дома один. Проснётся и обоссыться от ужаса! Кровать ты ему будешь менять! — пригрозила Светка.

— Бегу, бегу, — поспешила я.

Кровать я бы не побрезговала поменять. Мне было жалко пятилетнего малыша, который мог проснуться ночью, не увидеть маму и занервничать. Вот я эгоистка... Выдернула Светку и даже не подумала о её мальчишке!

Своих детей мы с Максом так и не завели. И сейчас, глядя на забитый барахлом салон, я впервые подумала: какое счастье. А ведь раньше мы очень хотели малыша. Но каждый раз сознательно тормозили: то учёба, то съёмное жильё, потом влезли в эту проклятую ипотеку... Мы оба приютские, и слишком хорошо знали, каково это — не иметь личного угла и смотреть на многое голодными глазами... Я просто не могла позволить себе рожать в нищете. Хотела всё сделать по уму: чтобы у моего ребёнка была своя комната с красивыми обоями, гора игрушек, чтобы он рос в абсолютной безопасности, уюте и достатке. Мы с Максом клялись дать своим детям всё то, чего были лишены сами, выстроить для них непробиваемую крепость...

А вон оно как вышло. Семьи больше нет. И слава богу, что этот развод уничтожает только мою жизнь, а не ломает психику нашему ребёнку.

— Ты прости, пожалуйста, меня, что я тебя вот так... да ночью... — я поёжилась, обхватив себя руками. Весь Светкин минивэн был завален моими коробками, рулонами и шмотками.

— Ой, да перестань ты! — Светка вырулила на главную дорогу.

— Ты ж пьёшь снотворное?

— Пока да. Спать хочу просто зверски! Как приедем, оставим материалы в машине, не будем пока таскать наверх, хорошо? Завтра уж перетаскаем. Или я прямо в подъезде и рухну.

— Да-да, конечно...

Я прикрыла глаза, сама мечтая отключиться хотя бы на пару часов... Забыться безмятежным сном, залечить немного душу... Но не думаю, что простой сон на такое способен...

Телефон в кармане разрывался от непрерывной вибрации, будто сошёл с ума. Уведомления сыпались одно за другим без перерыва.

Я смахнула экран. Шёл шквал сообщений из нашего общедомового чата, где обычно спорили из-за парковочных мест и показаний счётчиков.

Я ткнула в чат. Свежие сообщения летели со скоростью пулемётной очереди:

«Народ, вы слышали?! В первом подъезде две неадекватные бабы среди ночи устроили дебош!»

«Да они набухались в хлам! Какую-то хрень из коммерческого помещения вытаскивали и в машину грузили!»

«Одна вообще с бейсбольной битой бегала и матом орала на весь двор! Чуть мне в окно не залезла, ненормальная! Сделайте кто-нибудь что-то с этими солевыми!»

«Максим из 74-й, это случайно не твоя там во дворе психовала?! Угомони свою бабу, людям завтра на работу!»

«Там две бабы шьюху обнесли!»

«Да они уже укатили»

Светка мазнула взглядом по моему экрану, прочитала сообщения и так ржанула, что наш минивэн вильнул на пустой дороге.

— Солевые мы с тобой, вишь ты! — хохотнула подруга. — Всё-таки надо было той дуре по кумполу зарядить!

Я проигнорировала Светин смешок и следила, что ответит Максим. В шапке чата высветилось: *«Муж» набирает сообщение...*

Ну да, муж... Горло заклокало, глаза защипало от осознания того, что муж мой больше мне не муж и что скоро я удалю его номер, удалю его из жизни.

И следом прилетел ответ. Написанный строго, официально, для общественности: *«Уважаемые соседи, приношу искренние извинения за этот балаган. Этого больше не повторится.».*

Я замерла, гипнотизируя эти строчки. Слёзы высохли, так и не успев скатиться по щекам. Боль никуда не делась, но поверх неё выросла звенящая злость. *«Этого больше не повторится.»* — вот так сухо и отстранённо, ни единого защитного слова в мой адрес. А просто *«Этого больше не повторится.»!*

Тут же высветилось входящее. Экран мигнул, и на нём загорелось имя «Муж». Решил позвонить, чтобы выяснить отношения? Я не стала ни отвечать, ни нажимать отбой. Просто отключила звук, убрала вибрацию и бросила телефон на самое дно сумки. Пусть слушает долгие гудки, пока не надоест.

— Свет...

— А?

— Жми на газ. Нам завтра очень многое нужно успеть.

Глава 3: Разлетимся на свободу - Марина

Квартира у Светки была уютной, хотя и немного странной. Обычная «евротрёшка», которую подруга после развода перекроила собственными руками: снесла пару гипсокартонных перегородок, сделала умное зонирование и выкроила из просторной гостиной маленький, но изолированный кабинет. Именно его она без лишних слов и отдала мне под временное жильё. Отсюда как раз был выход на большой утеплённый балкон, на котором я смогу временно пристроить ткани.

Мы прошли на цыпочках. Маленький Тимошка сладко спал в своей детской, уткнувшись носиком в плюшевого медведя, и Светка на мягких лапах прошмыгнула в кабинет, чтобы расстелить мне диван.

— Вон там свежее полотенце, — шёпотом проговорила она, доставая из шкафа подушку и вкусно пахнущее кондиционером постельное бельё. — Иди в душ, я пока всё организую.

Я благодарно кивнула, взяла полотенце и прошмыгнула в ванную.

Едва щёлкнула задвижка на двери, я стянула с себя пыльную толстовку и джинсы. Шагнула в душевую кабину, закрыла стеклянную дверцу и до упора выкрутила вентиль.

Тугой поток обжигающе горячей воды ударил по плечам, и злой адреналин, на котором я вытащила эту безумную ночь, мгновенно выветрился. Я осела на мокрый поддон, прямо под бьющие струи, обхватила колени руками и зарыдала. Как же это тупо! Как будто сцена из соплежуйской драмы!

Хотя это и была самая настоящая драма! Я ревела беззвучно, до мышечных спазмов в животе, кусая собственные губы, чтобы не вырвался ни один звук и не разбудил спящего за стеной Тимошку. Шум воды глушил всхлипы. Кипяток обжигал кожу, смывая с меня тошнотворное ощущение предательства.

Я зажмурилась до цветных пятен, но темнота не принесла облегчения. Перед мысленным взором стояло лицо мужа.

Боже, как же нам было хорошо вместе... Как мы дошли до этой точки? В какой именно момент наша жизнь дала трещину и рассыпалась на мелкие, ранящие до крови осколки? Ведь ещё месяц назад всё было нормально. Ну, относительно нормально...

Да, Макс постоянно ходил хмурый, нервничал из-за просроченных платежей, ложился спать под утро и сутками гипнотизировал графики и расчёты. Но я ведь думала, что это просто временные трудности! Что мы, как всегда, справимся плечом к плечу!

Как деньги вообще могли стать ему дороже меня? Дороже женщины, которую он знал шестнадцать лет?!

Шестнадцать лет... Мы познакомились в приюте, когда нам было по пятнадцать. Его привезли ближе к осени. Худой, насупленный, со сбитыми костяшками и горящим, нерушимым взглядом. Макс не был тихим или забитым, как многие другие дети в подобной ситуации, то есть как я... Он был моей противоположностью и этим уравновешивал нашу пару. Он попал в систему подростком, уже успев узнать, что такое улица, и принёс с собой диковатую, но честную дворовую романтику. Он был невероятно бойким, дерзким, но никогда не обижал слабых. Я помню тот день, когда увидела его впервые, будто это было вчера. Он сразу мне понравился, но я трусишка, мне не хватало духу подойти и познакомиться...

Однажды старшие девчонки из выпускного класса зажали меня в углу в прачечной. Им не понравилась какая-то глупость, и они отбирали у меня единственную нормальную кофту, выбивая из рук остатки моей гордости. Я стояла, сжавшись в комок, и просто глотала слёзы, готовясь к очередному унижению или удару. Да, тумаками меня частенько угощали. Порой дети могут быть очень и очень жестокими...

И тут в прачечную влетел Макс. Без лишних слов, без выяснения, кто прав, а кто виноват, он просто встал между мной и толпой старшаков. Ему тогда здорово досталось от воспитателей за вмешательство, но с того самого вечера он больше никому не позволял даже косо на меня посмотреть.

— Мы с тобой одной крови, Марин, — говорил он мне позже, когда мы сидели на пожарной лестнице и пили один на двоих лимонад Буратино. — У нас никого нет. Значит, держаться будем друг за дружку. Я тебя в обиду не дам! Никогда!

Тогда он признался мне, что я ему нравлюсь. Что у него случилась любовь с первого взгляда, когда он увидел меня в свой первый день в приюте - прям как и у меня. Это было взаимно... И он держал слово. Годами держал. Максим был удивительным. Честным, щедрым до последней копейки, невероятно заботливым.

Когда мы выпустились из приюта, то вместе поступили в колледж на логистику и финансы. Точнее, это Макс горел учёбой, сутками сидел над графиками и расчётами — ему это безумно нравилось. А я пошла за ним просто потому, что ни за что не хотела разлучаться, хотя сами цифры и сводки терпеть не могла. Зато там был Захар Андреевич — наш декан и, по совместительству, куратор группы, заменивший нам классного руководителя и впоследствии отца.

После приюта каждому выпускнику даётся символическая сумма, на которую можно снять жильё или потратить на что-то ещё. Само жильё тогда не выдавалось. Вот мы и сняли однушку недалеко от колледжа. И начали параллельно учёбе искать работу. Я никак не могла устроиться, а когда устраивалась — ужасно стрессовала, отчего заболевала... Уже тогда я поняла, что работа в найме не по мне и что мне надо что-то другое... А вот Макс нашёл подработку и после колледжа сразу уходил на неё. Работать он любил. Точнее - зарабатывать деньги.

Я же в один из вечеров, когда выносила мусор, нашла швейную машинку, оставленную в сторонке от бака. Это был мой первый оверлок, старенький и простенький, но именно с него началась моя любовь к шитью. Сама судьба мне его подкинула... Тем не менее, моё шитьё нас не кормило, а даже немного разоряло в те времена. Я только училась шить и шила для нас: постельное бельё, шторы, скатерти, одежду простенькую.

С деньгами стало совсем туго — мы быстрее проедали всё, чем Макс успевал зарабатывать. Он работал-то на полставки и получал восемнадцать тысяч, а квартира стоила тринадцать в месяц. Все наши приютские деньги за полтора года разлетелись в разные стороны.

Встал остро вопрос с жильём. Мы попрощались с квартиркой и начали искать уже комнату. Но в тот момент именно Захар Андреевич дал нам временный приют.

Тогда мы жили в Ялте, и его большой дом стал для нас по-настоящему особенным. Там пахло спокойствием и уютом, которого мы с Максом были лишены с самого детства. Захар Андреевич стал для нас кем-то намного большим, чем просто преподавателем — он стал отцом.

Стоит его образу мелькнуть в голове, как я машинально сглатываю тяжёлый ком и до боли впиваюсь ногтями в ладони. Как я ему расскажу? Как позвоню и произнесу в трубку, что мы с Максом больше не вместе, что мы теперь абсолютно чужие люди, перечёркнутые грязным предательством? Захар Андреевич в последнее время так сильно сдал, много болеет, у него слабое сердце. Эта новость станет для него страшным ударом, и мне до паники страшно делать этот звонок.

Но тогда, в том гостеприимном крымском доме, казалось, что все беды временны. Макс крутился как мог, брал дополнительные смены и хватался за любую халтуру, чтобы выкроить денег на мои первые качественные материалы. Он верил в меня, верил в моё дело. Помнится, как он с трудом занёс коробку с новым оверлоком и опустил пару тяжёлых рулонов ткани. Посмотрел на меня, сиявшую от шока, и довольно улыбнулся.

— Твори, Маришка, — он поцеловал меня в щёку. — У тебя всё получится, я в тебя верю!

Он защищал меня от всех жизненных бурь. Когда я болела, он сидел у моей кровати, обкладывал меня грелками и вслух читал мои любимые любовные романы, только чтобы я улыбнулась. Он был моим защитником, моим лучшим другом, моим единственным родным человеком на всём белом свете. Я любила его до дрожи, до немого обожания. Максим был хорошим, светлым парнем с огромным, добрым сердцем.

И именно поэтому мне сейчас было так адски и невыносимо больно. Человек, который стоял сегодня вечером в нашей гостиной и обесценивал меня, не имел ничего общего с тем юношей с пожарной лестницы. Это был чужой, холодный, искалеченный жадностью и страхом фантом...

Что с тобой сделала эта проклятая нищета, Макс? Как страх снова оказаться на самом дне смог отравить твою душу настолько, что ты выкинул меня из нашей жизни, словно ненужную вещь?

Я выключила воду, завернулась в мягкое полотенце и долго вытиралась.

В кабинете Светки горел тусклый ночник. Подруга уже ушла к себе, оставив на столе сэнвдич, стакан сока и чистую футболку. Я переоделась, опустилась на застеленный диван. Из дорожной сумки, лежащей на полу, пробивался слабый, едва заметный свет.

Я запустила руку на самое дно, нащупала телефон и достала его. Экран горел от накопившихся уведомлений. Звук и вибрацию я отключила ещё в машине, но сейчас на дисплее висело несколько пропущенных вызовов и длинная цепочка сообщений от контакта «Муж».

Я сжала губы, готовая увидеть там новые упрёки или злобные слова. Но первые же строчки заставили моё сердце пропустить удар.

«Марина, пожалуйста, прочитай это. Я знаю, что я последняя сволочь».

Я ткнула пальцем в экран. Сообщения посыпались одно за другим, отправленные с разницей в пару минут:

«Я не знаю, как дальше жить. Марин, я струсил. Я испугался долгов, Банк поджимал, коллекторы уже начинали намекать на серьёзные проблемы, а у меня земля из-под ног уходила. Я хотел как лучше, хотел закрыть эти чёртовы дыры, вылезти из дерьма, но в итоге всё развалил сам. Собственными руками.».

«Я знаю, что прощения мне нет. За то, что подвёл тебя. Я ненавидел себя в тот момент, когда смотрел, как ты собираешь вещи, но у меня будто рот зацементировало. Я просто сломался, Марин. Финансовая петля сжала горло, и я поступил как конченый эгоист».

«Мне так жаль, Марин... Мне безумно жаль, что я растоптал нашу семью. Ты не заслужила этой грязи. Ты самое лучшее, что было в моей жизни, а я все уничтожил. Прости меня, если сможешь... Но больше так продолжаться не может. Ты прекрасная женщина, но мы с тобой слишком разные. Мы всегда были разными. Я более приземлённый человек, а ты человек творческий... Давай больше не будем подрезать друг другу крылья и разлетимся на свободу... Спасибо тебе за всё. Прости, что расстаёмся на такой ноте...».

Текст расплывался перед глазами от новых слёз, удерживать которые больше не было сил. Мосты уже сожжены, карты заблокированы, а в нашу постель приглашена чужая женщина.

При этом он попросил прощения. Признал свою вину. Но легче от этого не стало ни на грамм. Наоборот, эта запоздалое раскаяние резало по живому ещё сильнее, чем его холодная жестокость четыре часа назад.

«Давай больше не будем подрезать друг другу крылья и разлетимся на свободу...»

Господи, за что? Почему? Я свернулась калачиком на диване, прижала телефон к груди и тихо, горько зарыдала в подушку, окончательно прощаясь со своей прошлой жизнью.

Глава 4: Сладкая отрава и оторва - Максим

«Давай больше не будем подрезать друг другу крылья и разлетимся на свободу... Спасибо тебе за всё. Прости, что расстаёмся на такой ноте...» — Мне было физически больно писать эти строки пока что своей жене. Казалось, мы всю жизнь были вместе.

Когда я увидел её впервые в детдоме, у меня буквально перехватило дыхание: невероятная девочка с потрясающе красивыми голубыми глазами и пушистыми ресничками. Столько было наивности и чистого света в этом взгляде... Смотрел бы и смотрел, защищал бы от всего мира.

Но с каждым годом Маринка всё больше переставала быть той девчонкой, в которую я влюбился. Нет, она, конечно, всегда была мечтательницей тонкой душевной организации. И поначалу меня это заводило. Ради неё мне хотелось сворачивать горы, делать больше, стараться, быть лучше всех. Но... жизнь — это не сказка. Всё меняется. И мы с Мариной сильно изменились.

Её вечная мечтательность, творческий подход и, чего уж греха таить, абсолютная несерьёзность стали меня дико напрягать последние два года. Наверное, потому, что петля долгов стягивалась на моей шее всё туже. Я искренне верил, что справлюсь со всем сам, как и до этого справлялся. Но всё рушилось, а помощи и адекватной поддержки ждать мне было неоткуда. Обременять старика Захара Андреича у меня бы даже в мыслях не возникло — это я должен был помогать ему, а не плакаться в жилетку.

М-да. А недалеко я от Маринки-то ушёл. Тоже понастроил себе воздушных замков. Моя работа и упёртость помогли нам скопить на приличный первоначальный взнос. Шутка ли — с нуля, без мам и пап, оплатить пятьдесят процентов от стоимости двушки в Москве!

Надо было просто выдохнуть... Радоваться малому, наслаждаться синицей в руках, жить как нормальные люди...

Но я же, мать его, захотел журавля! Решил пойти ва-банк. Насмотрелся в Играме про рантье, про пассивный доход, и решил, что я тоже так могу. Взял ещё одну ипотеку — на коммерческую недвижку. И банк, как назло, одобрил.

Это обернулось полномасштабной катастрофой. Сначала никто не хотел заезжать — район оказался специфическим. Потом арендаторы всё же нашлись, но это был сущий ад: то потоп устроят, то проводку спалят, то съедут, не заплатив. Ремонт сжирал все мои свободные деньги. Чтобы хоть как-то перекрыть убытки и платежи банку, я поднял ренту. И точка окончательно опустела.

А ещё Маринка... Она просто оккупировала одно из помещений. Да, она там работала с утра до ночи, старалась осуществить свою мечту. Ей нравилось шить. Она действительно умница и очень усидчивая — всему научилась сама. В первые годы нашей жизни это было просто милое хобби, которое хоть и тянуло из меня деньги на ткани и машинки, но хотя бы радовало её. Потом она начала понемногу продавать своё бельё. Появилась какая-то копеечка, она стала сама закрывать свои мелкие нужды.

Но как же она медленно крутилась! Как ни билась, а не могла сделать чистую выручку больше тридцатки в месяц. Тридцать тысяч! В Москве! Да это смешно! Чтобы как-то её подбодрить и сдвинуть дело с мёртвой точки, я скрипнул зубами и оплатил ей дорогущий курс по продвижению и "секретам шитья". Думал, научат её там выкройкам, техникам и, главное, продажам. Но выхлопа почти не было. Сейчас все хотят бренды. Да и шьёт сейчас каждая третья декретница! По городу пройдёшься — на каждом шагу эти «авторские бутики» с кружевными трусами.

Она шла к своей цели, но я устал ждать, пока она уже наконец-то до неё дойдёт. Я пытался с ней поговорить. Просил: «Марин, ну попробуй устроиться в найм! Стабильная зарплата, соц-

пакет. А шить будешь по выходным, для души». Так она ни в какую! В слёзы сразу. У неё ещё с юности эти приколы: как только дело доходит до нормальной работы с графиком — она тут же впадает в депрессию, стрессует и начинает физически болеть.

Господи, как же я устал от этого инфантилизма!

Последний год нашей жизни выдался просто отвратительным. Мы почти перестали спать вместе. Марина забросила дом: перестала нормально убираться, почти не готовила. Я перебивался то пельменями, то сосисками, то котлетами-полуфабрикатами, и незаметно наел себе пузо. Но самое ужасное — она забила на себя! Моя красивая, улыбчивая, нежная девочка с волосами цвета молочного шоколада и невероятными голубыми глазами превратилась в уставшую серую мышь. Серую мышь с грубыми, исколотыми иглами, покоцанными руками. Она не хотела знать никакой другой жизни, кроме своей кройки и шитья! А раньше Маринка круто готовила: её мясо в горшочке или мясной пирог были просто пальчики оближешь. Иной раз придёшь с работы, и моя красотка в лёгком коротком платье накрывает на стол... Еду приходилось разогревать заново, потому что вид моей сексуальной жены меня и самого так нехило разогревал. И пусть я у Марины был первым и единственным мужчиной, и она была очень зажата в постели, но секс с ней я обожал. Жизнь была лучше... Пока моя жена не забыла, что у неё есть муж...

Как же мне это осточертело! Я приходил домой, выжатый как лимон работой и звонками из банка, и не знал, как с ней заговорить. Ну а что тут скажешь? «Слушай, Марин, ты меня достала, ты подурнела, обабилась, а ещё ты лентяйка, прикрывающаяся творчеством»? Да, пусть это и правда, но это убийственно болезненная правда. За шестнадцать лет, что мы провели вместе, я просто не мог бросить ей это в лицо!

Но из-за того, что я носил всё это дерьмо в себе, я начал на неё злиться. Дико злиться. Иногда я смотрел на её сгорбленную над машинкой спину и ненавидел её. Думал о разводе. Но не мог решиться, потому что... это же Марина. Мы с ней одной крови. Она же ничего не умеет в этой жизни, кроме своих рюшей. Как она прокормит себя, если я её брошу? И от этой вынужденной ответственности я злился ещё сильнее.

А потом, чуть больше месяца назад, раздался звонок. Мягкий, грудной женский голос сообщил, что заинтересован снять у меня всю площадь под салон, и цена её более чем устраивает. Меня будто током прошило. Неужели удача? После разговора я тут же вбил её номер в мессенджер и перешёл в профиль. На аватарке стояла огненно-рыжая, кареглазая красавица в широкополой шляпке, лучезарно улыбающаяся на залитом солнцем пляже. «Вот это женщина... — подумал я тогда, разглядывая фото. — Столько жизни и счастья в глазах...»

На следующий день мы встретились на объекте, и я просто выпал в осадок. Стоял перед ней и пялился, как пубертатный идиот с открытым ртом. Алина вживую оказалась ещё эффектнее. Она улыбнулась мне своей шикарной улыбкой и кокетливо протянула изящную, ухоженную ручку с идеальным маникюром для рукопожатия. Да как я мог просто пожать такую руку?! Такие руки созданы для того, чтобы их целовать! И я поцеловал, коснувшись губами бархатной кожи.

Я показывал ей помещения, расписывал преимущества. А потом мы дошли до студии Марины. Жена, естественно, не обрадовалась. Сидела там за своим столом, сверлила меня гневным, непонимающим взглядом. А я... выходя из студии, я невольно сравнил их. И мне стало так горько. Горько за Маринку. Ведь когда-то она была такой же яркой красавицей, от которой глаз не оторвать. А теперь...

Вечером мне, естественно, прилетело. Марина упёрлась рогом, закатила скандал и наотрез отказалась отдавать «какой-то рыжей стерве» свои метры. Хотя они были не её! Это мои метры! Моя ипотека, мои нервы и мои долги!

Через пару дней мы с Алиной встретились в ресторане, чтобы обсудить детали договора. И за этот ужин я буквально просиял. Меня словно встряхнули, вытащили из склепа и вернули

к жизни. Она смеялась над моими шутками, смотрела на меня с восхищением, слушала так, будто я самый умный и успешный мужик на планете. И даже недавний скандал с женой не смог испортить мне этого пьянящего настроения.

Я начал постоянно искать повод для встреч с Алиной и сам не мог понять, почему так срывает крышу. Меня к ней тянуло как магнитом. Я чувствовал себя разряженной в ноль батарейкой, а она была моим единственным, мощнейшим аккумулятором.

Всё решилось в один из вечеров, когда она пригласила меня к себе домой под предлогом финансовой консультации. Точка, которую она открывала у меня, была второй, и Алина показала договор по своему первому салону. Попросила меня, опираясь на моё профильное образование, проверить ставки, пени и коммуналку — мол, не дурят ли её там. Она шла к успеху семимильными шагами, расширяла территорию, но всё равно признавала мой авторитет в цифрах. Естественно, мне было лестно. Мы сидели на её диване, пили коньяк и разбирали пункты договора, как вдруг рабочая дистанция просто растаяла. Алина оказалась не просто горячей — она была ураганом. Она перехватила мой взгляд, улыбнулась, отставила бокал и сама опустилась передо мной на колени.

То, что она сделала со мной в ту ночь, перечеркнуло всю мою прошлую жизнь. Это был ослепляющий, сносящий крышу опыт. Она смотрела на меня снизу вверх своими бесстыжими карими глазами, заглатывая жадно, глубоко, до сдавленного стона в моей груди, пока мои пальцы путались в её рыжих волосах. Я чувствовал себя богом, царём — мужчиной, которого желают до животного безумия, до потери пульса. Я чувствовал то, чего в моей правильной, пресной жизни не было уже много лет.

А потом она потянула меня за собой в спальню. И когда мы рухнули на простыни, Алина прошептала мне на ухо то, от чего у меня окончательно сорвало тормоза. Она сама, без тени смущения, попросила о том, на что никогда бы не решилась моя правильная, зажатая Марина — взять её жёстко, сзади, позволив мне подчинить её полностью.

Но перед тем как соединить нас, она опустилась ниже, заставив меня забыть обо всём на свете. Её горячее дыхание, дразнящие прикосновения и жадный, властный рот лишили меня последних остатков воли... Она играла со мной, как с пленником, а когда поднялась обратно, её пальцы уже скользнули по её телу, готовя нас обоих к этому запретному шагу...

— Ну же, — выдохнула она, отнимая руку и поворачиваясь ко мне, подставляя гибкое тело. — Я жду.

Она капризно и выжидающе качнула бёдрами, бросая мне вызов.

И я принял его.

Узкое, горячее кольцо мышц не пускало с первого раза, но она лишь сжала зубы, шумно выдохнув мне в плечо, и сама подалась навстречу, принимая меня до самого конца. Внутри было обжигающе тесно, каждый миллиметр этого запретного пути отдавался бешеным стуком в висках.

— Да, — сорвалось с её губ. — Ещё...

Я двигался настырно, сбивая дыхание, погружаясь в неё всё глубже с каждым толчком. Её кожа мгновенно покрылась испариной, спина выгибалась в такт моим движениям, а тихие, хриплые стоны не оставляли сомнений: она получала удовольствие на грани боли. Давно же я не ощущал себя настолько живым. Настолько желанным.

— Не останавливайся, — шептала она сквозь стиснутые зубы, вцепляясь пальцами в простыни.

Я ускорился, превращая всё вокруг в дикий, ослепляющий хаос из звуков, трения и жажды. В этом подчинении было что-то первобытное, собственническое. Она отдавалась без остатка и требовала взамен того же уничтожения.

— Кончай в меня! — её шёпот обжёг слух. — Хочу всё! До последний капли!

Я сорвался. Внутри этого тесного, раскалённого пространства, которое она отдала мне без единого сомнения, меня накрыло так, как не накрывало никогда.

Мы лежали в смятых, влажных от пота простынях. Я курил, рассеянно поглаживая её бедро. Тело приятно гудело, а в голове стояла абсолютная, блаженная пустота. Впервые за столько долгих лет я чувствовал себя свободным от груза обязательств.

Алина лениво провела ноготком по моей груди, оставляя едва заметный след.

— Максим, — мурлыкнула она, заглядывая мне в глаза. — А ты сделаешь своей любимой арендаторше маленькую скидочку? Ну совсем чуть-чуть...

Я рассмеялся, выпуская синеватый дым в потолок. Чёрт, она была права. После всего, что она со мной вытворяла, я был готов отдать ей ключи от этого здания целиком. Квадратные метры, прибыль, остатки гордости... Она стоила каждого недополученного рубля. Каждой бессонной ночи в этой постели.

Я мысленно скинул ей приличную сумму от ежемесячной аренды, даже не моргнув.

— Но я хочу, чтобы это осталось между нами, — тихо произнёс я, касаясь губами её плеча.

— Конечно, милый, — она чмокнула меня в щёку, легко и беззаботно. — Никто не узнает.

Я прекрасно знал, что она врёт. Женщины редко умеют хранить подобные секреты, особенно когда речь идёт об их маленьких победах. Но мне было плевать. Сейчас я чувствовал себя неуязвимым.

Именно тогда, лёжа рядом с Алиной, я окончательно понял: к Марине я больше не вернусь.

Да и не мог. Возвращение означало бы признание того, что все эти годы, весь этот брак — моя ошибка, которую я боялся признать. Виноват был не я. Виноват был мир, виноваты обстоятельства и сама Марина, превратившаяся из яркой девчонки в серую, вечно уставшую тень, с которой мне стало стыдно показываться на людях...

Я глянул на электронные часы на тумбочке: два часа ночи. Моя законная жена, должно быть, до сих пор горбится над швейной машинкой, глупо надеясь на моё возвращение и готовя порцию упрёков.

Но возвращаться туда мне не хотелось. Я хотел оставаться здесь — здесь, где пахло настоящей женщиной, которая не боялась брать от жизни всё и предлагать мне то же самое.

И я взял. Взял всё как и она, не оглядываясь назад.

Глава 5: Доброе утро, новая реальность - Марина

Спалось отвратительно — всю ночь меня мучили выматывающие кошмары. Первым делом после пробуждения захотелось завыть волком и прореветься, но, услышав за стеной звонкий смех Тимошки, я взяла себя в руки. Нельзя пугать ребёнка опухшей от слёз физиономией. Я быстренько оделась и приклеила на измученное лицо улыбку.

На кухне пахло кофе и яичницей. Света уже суетилась у плиты, а Тимошка уплетал скрэмбл и о чём-то весело щебетал маме.

— Доброе утро всем... — вышла я к ним.

— Малина-а-а-а! — Малыш радостно взвизгнул и сорвался с места. Жареное яйцо пульверизатором разлетелось из его рта. Я едва успела перехватить его в полёте и усадить себе на бедро.

— Так! Это кто мне тут завтрак не доел?! А? — строго сдвинула брови мама-Света, грозя ему кулинарной лопаткой. — Утро доброе, Мариш. Посмотри, какой хулиган растёт!

— Ой, да ладно тебе, — я тепло рассмеялась и потрепала светлые волосы пацанёнка.

— Садись, твой омлет остывает. И ты давай доЁдывай! Мы в сад уже опаздываем! — она снова перевела строгий взгляд на сына.

— А чего он в садике не завтракает? — спросила я, опуская Тимошку на стул и присаживаясь рядом.

— Там дулацкие каши! — насупился малыш, болтая ногами.

— Барин не любит манку, видите ли! — Света обречённо развела руками и подлила мне в кружку свежесваренного кофе.

— Спасибо, Светик! Ты просто чудо чудесное! Чтоб я без тебя делала... — я поджала губы, чувствуя, как предательски защипало в носу. Ну вот! Чуть что — сразу в слёзы! Рёва — корова!

— А где дядя Максим? — вдруг уставился на меня мальчишка своими огромными чистыми глазами.

Я резко отвернулась к окну. Стало ещё больнее.

— Дядя Максим на работе, — спасла положение Света.

— Малиша, а ты у нас тепель будешь жить, да? — по-деловому осведомился Тимофей, отправляя в рот кусок яйца.

— Да, тётя Марина теперь с нами поживёт. — Света уселась за стол напротив меня и буквально пылесосом всосала в себя свой завтрак.

В утренней суете мы обе совершенно забыли, что в Светкином минивэне на улице ночевала вся моя жизнь. Вспомнили мы о коробках только тогда, когда подруга уже накинула пиджак, чтобы отвезти сына в сад и рвануть на работу. К огромному счастью, во дворе как раз орудовал метлой дворник. За чисто символическую тысячу рублей он помог нам перетаскать все шмотки, рулоны и оборудование через грузовой лифт в квартиру.

Распрощавшись со своими спасителями, я оттараканила вещи в выделенную мне времянку-кабинет, а габаритные ткани вынесла на утеплённый балкон. Чтобы не сойти с ума от одиночества в чужой квартире, я включила на планшете свой любимый любовно-эротический сериал. Ничего не могу с собой поделать — обожаю этот жанр до глубины души! Страсти на экране всегда поднимали мне настроение и частенько вдохновляли на новые дизайны белья, и не только. Помню, как однажды увидела классный фасончик платья на главной героине и сшила себе такое же. Когда Макс увидел меня в нём, мы из постели часа два не вылезали...

Макс...

Нет! Нельзя! Не буду думать о нём! Пошёл вон из моей головы!

Я зажмурилась, тряхнула головой и переключила всё внимание на экран планшета, где высокий блондин жадно лобзал жгучую миниатюрную брюнетку.

В этот момент экран моего смартфона засветился. Всплыло уведомление из приложения: до вечера нужно было обязательно отнести три заказанных комплекта белья на отгрузку в пункт выдачи заказов. Точно! Я же совсем забыла про продажи!

Я бросилась разгребать завалы коробок в поисках нужных размеров. Спустя полчаса пыхтения, сопений и землеройства я всё-таки отыскала три заветных пластиковых пакетика и отложила их в сторонку. Время до вечера ещё есть, надо пока хоть немного привести комнату в порядок.

Я решила, что пора выходить из информационного вакуума, и включила на телефоне звук и вибрацию. Не прошло и минуты, как пришла СМС от банка. Контакт «Муж» перевёл мне на бизнес-карту, привязанную к маркетплейсу, ровно 40 000 рублей. Те самые деньги, которые он заблокировал вчера вечером...

Да уж. Не забыл про меня. Педантично, до копейки вернул мне мои же гроши!

Я тяжело опустилась на край разобранного дивана. Накопившийся негатив снова накрыл меня с головой, и плечи опустились сами собой. Что мне делать дальше? На руках сорок тысяч рублей, которые мне кровь из носа нужно вложить в новые материалы, чтобы не остановить продажи. В конце месяца, за вычетом всех налогов и комиссий маркетплейса, придёт ещё тысяч пятьдесят. И это всё.

Я ощущала себя дурой. Полной, феноменальной идиоткой.

Квартиру мы покупали в законном браке. Как и ту треклятую коммерческую площадь на первом этаже. По закону я должна была бы претендовать ровно на половину. Но на деле — всё это было единоличной собственностью моего мужа. Как же грамотно и расчётливо он всё обставил!

Ещё пару лет назад, когда он только ввязывался в свои авантюры с коммерческой ипотекой, он принёс домой стопку бумаг от нотариуса. Это был брачный договор. Макс тогда так убедительно говорил, смотрел на меня своими честными, полными заботы глазами, держал за руки: *«Мариш, у меня сейчас будут огромные риски по бизнесу, я беру на себя бешеные кредиты. Если я прогорю, если бизнес рухнет и я стану банкротом — коллекторы придут отбирать наше имущество. Давай подпишем бумаги, что всё оформлено только на меня, а ты к этим долгам не имеешь отношения. Так я защищу тебя. Если что-то случится, они не тронут ни тебя, ни твои машинки, ты будешь в безопасности».*

И я, влюблённая, наивная дурочка, не глядя подписала! Я верила каждому его слову, верила, что мой сильный муж строит вокруг меня крепость. А на деле — он просто отрезал меня от всего совместно нажитого, обезопасив свои активы на случай нашего разрыва. Удобно. Гениально. И невероятно подло. Я осталась на улице с коробкой трусов, а он — в квартире и с недвижимостью.

Моё едкое самобичевание прервала долгая вибрация. Телефон в руке ожил. Я опустила взгляд на экран и похолодела. Входящий вызов. *«Захар Андреевич».*

«Интересно, он уже знает о нашем разрыве?..» — панически пронеслось в голове.

Я готова была провалиться сквозь землю, лишь бы не брать трубку. Мне совершенно не хотелось это обсуждать, потому что я знала: стоит только начать, и я точно расплачусь, чем ещё больше взволную старика! Но когда телефон настойчиво завибрировал во второй раз, я поняла, что игнорировать повторный звонок будет просто свинством.

— Здравствуйте, Захар Андреевич, как ваши дела? — выпалила я на одном дыхании, стараясь, чтобы голос звучал хотя бы нормально, если не бодро.

— Мариночка! Привет! Да как у меня дела? Вот с самого утра покопался на грядках, спину прихватило, голову напекло — откисаю теперь дома под кондиционером... — голос старика был скрипучим и медленным. Видимо, действительно перегрелся, раз слова давались так

тяжко. Ему же семьдесят восемь лет... С ума сойти! — А вы там как с Максюткой? Как там ваш бизнЕс?

— Амм... — я замялась, лихорадочно соображая, что ему ответить.

Он ещё ничего не знает. И что мне делать? Что ему сказать? Кошмар!

— Захар Андреевич, мы с Максимом разъехались, пожалуйста, только не нервничайте. Просто... мы пока решили, что нам надо отдохнуть друг от друга, — мне хотелось смягчить углы, пусть я и знала, что с Максимом нам вместе больше не быть.

— Маришка, как так-то? Вы ж не разлей вода всегда были? Что стряслось, дочка?

Дочка...

Как же его заботливый тон греет мою искалеченную душу. Столько лет прошло с тех пор, как мы от него уехали, а он до сих пор вот так просто, по-отечески беспокоится.

— Захар Андреевич, ну вот так вот... Сами понимаете... — я сглотнула подкативший к горлу ком.

— Ох... Ну вы даёте! Мариш, ты скажи, он ж тебя не обидел? Не поднял руку?

— Нет-нет! — поспешно заверила я. — Максим меня никогда не бил.

— Да знаю, но мало ли... хорошо... хорошо... А у тебя деньги есть? Давай я схожу в банк, перевод тебе сделаю? Ты сейчас где? А хочешь — приезжай ко мне!

— Спасибо вам большое, Захар Андреевич, деньги есть, у меня всё есть! Не беспокойтесь, пожалуйста! Я бы с удовольствием приехала, но у меня полно заказов... не могу вот так просто всё бросить.

— Жаль, как жаль... Я бы посмотрел на тебя, скучаю ужасно. Мариночка, ты береги себя. И Максима прости, дурака. Вот уж не знаю, что он там наделал, но вы же как неразлучники! Вам по судьбе вместе быть!

От этих добрых, искренних слов стало так горько и больно, что дышать стало нечем. Я быстро, скомкано распрощалась с ним, скинула вызов и, сползши по стене, сжалась в комочек на полу, заливаясь глухими, удушливыми слезами.

Глава 6: Пощёчина правды - Марина

Прошёл целый год, и хрустящая бумага с синей печатью официально подтвердила юридическую смерть моего брака. Судья развёл нас заочно, поскольку Максим проигнорировал все назначенные слушания. Я сама отнесла заявление спустя месяц после переезда, устав выпрашивать у мужа хоть какие-то объяснения... Он избегал любых контактов, оттягивал документальное оформление разрыва, словно брошенная жена просто испарилась из его реальности...

Светка с Тимошкой стали моей главной и единственной опорой в этот непростой период. Только благодаря им я не сошла с ума. Какая бы катастрофа ни происходила вокруг, эта женщина и её малыш излучали неиссякаемый оптимизм. Оставшись разведённой с маленьким ребёнком на руках, Света умудрялась регулярно бегать на свидания и искренне верила в свой хэппи энд... Молодец, мне бы у неё поучиться!

За проживание она принципиально отказывалась брать у меня деньги. Моей платой стала помощь по дому и постоянный присмотр за неугомонным Тимошкой. Я с радостью водила мальчишку на кружки, играла с ним по вечерам и наводила порядок в квартире, позволяя неунывающей хозяйке устраивать личную жизнь.

Захар Андреевич звонил с завидной регулярностью. Старик настойчиво звал в гости, предлагая приехать на побережье отдохнуть от навалившихся забот, однако я неизменно отказывалась под предлогом обилия заказов на маркетплейсе. Настоящая же причина крылась в страхе перед прошлым... Наши самые счастливые годы с Максимом прошли именно там, под палящим солнцем Ялты. Вернуться на полуостров означало добровольно шагнуть в тесную клетку с обжигающими воспоминаниями... К этому я была не готова.

Но ничто не вечно, и даже плотно сшитая из боли и неудач чёрная полоса со временем начинает расползаться по швам.

Постепенно моё дело заработало стабильно, быт наладился, выплаканные слёзы подошли к концу. В попытках отвлечься я решила освежить знания и заново прошла обучающий курс по пошиву белья, который когда-то оплатил Максим. Доступы к платформе сохранились, слава богу. Сама технология кроя оказалась давно знакомой, поэтому главным открытием стал блок по маркетингу. Я создала профильную группу в социальной сети и начала монтировать залипательные видеоролики с переходами: вот на столе лежат бумажные лекала, взмах рукой, смена кадра, и на манекене красуется готовый кружевной комплектик.

Новый формат быстро привлёк внимание аудитории! Заказы пошли в гору, но вместе с финансовым успехом появились подражатели... Некоторые предприимчивые конкурентки без зазрения совести копировали мои идеи, воровали фирменный стиль и пытались выезжать на моих концепциях! Нет, ну вы представляете?!

Чужая наглость вызывала жгучую злость! Внутри всё кипело от несправедливости, однако природная нелюбовь к конфликтам брала своё... Я всегда избегала открытых скандалов, предпочитая молча проглатывать возмущение и просто работать дальше, придумывая всё более сложные дизайны. Так у меня с самого детства...

В общем и целом, только убедила себя в возвращении к нормальной жизни, как однажды алгоритмы Играма не подкинули мне пост Алины Ладыгиной...

На фотографии эта стерва позировала с гигантскими золотыми ножницами, разрезая алую ленточку. Сам пост был старый, но набрал много реакций и поэтому вирусился. Пиарила себя как могла! Она с нескрываемой помпой праздновала открытие своего второго салона красоты.

Но самую жгучую боль причинила другая деталь снимка. Рядом с ней стоял сияющий Максим, обнимая свою новую пассию за талию. Широкая искренняя улыбка озаряла его лицо, а глаза светились таким неподдельным обожанием, какого я не видела последние пару лет нашего

брака... Успешный мужчина гордо позировал рядом со своей роскошной королевой. В груди свернулся колючий ком, перекрывая кислород. Пальцы сами заблокировали экран телефона, но стереть этот триумф из памяти было невозможно.

Злосчастная фотография вскрыла едва затянувшуюся рану, спровоцировав новый приступ выматывающего одиночества. Днём я строчила за швейной машинкой, а по ночам кусала губы, разглядывая тёмный потолок. Я скучала по крепким мужским объятиям, мужскому запаху, горячим ласкам.

Мне требовалось снова почувствовать себя желанной женщиной, доказать самой себе собственную привлекательность.

Света быстро считала мои упаднические настроения, отобрала у меня планшет с моими сериальчиками и в ультимативной форме заставила установить приложение для знакомств.

— Год прошёл! Год! Ну сколько можно уже, в самом деле! Хорош киснуть! — скомандовала она, листая анкеты на моём экране. — Мариш, посмотри на себя! Ты выходишь на улицу только заказики отправить или с Тимошкой погулять. Волосы вечно в пучке, бесформенные толстовки, ноль косметики! Ты совсем о себе не заботишься! Так жить нельзя, ты же превращаешься в собственную тень! Ведь ты такая красивая девушка! Ну вот почему ты так себя не любишь?!

— Чего это не люблю? — Тон подруги меня немного обидел, говорила она с пылом, с жаром и с нападками.

— Не любишь! О своей прекрасной внешности ты никак не заботишься! О своём здоровье и труде тоже!

Я удивлённо посмотрела на неё.

— А что ты на меня зеньки выкатила? Помнишь, как мы с тобой познакомились?

— Помню, и это тут причём? — Я совершенно не понимала, почему Светка на меня кидается. Надоела, наверное, за год совместной жизни. Куда уж тут мужчине с женщиной ужиться, если подружки вместе не уживаются. Я уже думала, она меня попросит съехать, как вдруг подруга выдала совершенно неожиданное и очень отрезвляющее, пусть и жёсткое:

— При том, что мой домашний комплект и труселя обошлись мне в копейки! Три тысячи! За хорошее качество и стиль! Я уже тогда поняла, что ты не от мира сего! — Она покрутила пальцем у виска. — И продаёшь свои штучки для дрючек по себестоимости. — Она постучала кулачком по столешнице, в очередной раз намекая, что я дура.

— Свет... Я не понимаю, чего ты взъелась на меня...

— Я говорю, что ты красивая баба! И мало того, что красавица, так ещё и умница-рукодельница! У тебя золотые руки! Но ты ведёшь себя как забитая мышь! Посмотри на свои пальцы! Они же все в мелких мозолях и исколоты иглами. Ты когда в последний раз на маникюре была? Ты отдаёшь всю себя этому шитью, пашешь сутками напролёт, словно вообще не считаешь себя достойной отдыха и нормальной заботы. И ладно бы ты ещё бабки нормальные брала за это, но нет! Из-за своей дурацкой стеснительности ты готова шить эксклюзив за три копейки! Не умеешь и боишься просить достойную оплату за свой труд! Мариш, пора просыпаться. Тебе нужно стать смелее. Пойми ты уже наконец, что ничем не хуже этих расфуфыренных фиф из интернета, а половины из них так вообще в сто раз красивее, умнее и талантливее! Так что хватит сиськи мять, пора выходить в люди, пора поставить себе цену и двигать на свидание! Вон, смотри, какой солидный мужчинка: сорок лет, разведён, автослесарь. — Она вновь подхватила планшет и показала мне какого-то мужика в чёрной майке. Симпатичный. — Давай, ставь сердечко!

Сердечко я всё-таки поставила. Только вот мужчинка-автослесарь сказал, что бабы с мешками под глазами не в его «укусе», что бы это ни значило. Но к Свете я прислушалась, она права, во всём права...

Пусть её тирада была сумбурной, но она заставила меня пересмотреть и отношение к своей продукции и к самой себе. План был намечен и приведён в незамедлительное исполнение! Цены я подняла в тот же день, опасаясь негативных реакций, но их, к моему облегчению, не последовало... Дальше больше, я занялась собой. Зарядка и уход стали для меня обязательным вложением в себя.

А вот приложение для знакомств оказалось настоящей ярмаркой тщеславия и разочарований. Первые дни я только и делала, что брезгливо смахивала анкеты любителей присылать непристойные фото вместо приветствия и женатиков, ищущих тайных встреч на пару часов. После развода самооценка и так болталась где-то на уровне плинтуса, а этот бесконечный парад неадекватов добивал остатки веры в мужчин! Фу! Просто фу! Я уже думала сворачивать поиски и посвятить себя своей идущей в гору карьере... как вдруг на глаза попался любопытный экземплярчик!

Вадим выделялся из общей массы. Он делал сдержанные фотографии и у него была грамотная речь.

«Марина, у вас очень красивое имя. Чем спасаетесь от хандры по вечерам?» — написал он первым.

Мы перекидывались короткими сообщениями три дня. Он уместно шутил, интересовался моим брендом белья, вскользь рассказывал про свои судебные процессы — он юрист. Внутри затеплилась крошечная, робкая надежда, что, возможно, мне действительно попался стоящий человек?

Когда Вадим пригласил меня на ужин в ресторан, меня накрыла паника. Хотелось сослаться на завал с заказами, заблокировать его номер и спрятаться в свою уютную раковину! Но жестокие, бьющие в цель слова Светки о моей запущенности больно кольнули женскую гордость. Я подошла к зеркалу и придирчиво всмотрелась в своё отражение, с горечью отмечая потухший, безжизненный взгляд, неестественно бледную кожу и сгорбленные под тяжестью обид плечи. Подруга была абсолютно права. Я шила роскошное бельё для других женщин, помогая им соблазнять мужей, а сама прятала тело в безликий растянутый трикотаж... серая мышь!

В груди противно заворочалась ядовитая мысль: а вдруг Максим ушёл от меня именно потому, что я вот так подурнела и махнула на себя рукой? Перед глазами тут же всплыло холёное лицо Алины с той злосчастной фотографии. Да, её губы и скулы были явно смоделированы филлерами, а лоб заморожен ботоксом, но отрицать очевидное было глупо. Она выглядела невероятно красивой, яркой и ухоженной — притягательной, дорогой женщиной, рядом с которой бывший муж светился от гордости. А я превратилась в тень...

Весь следующий день машинка стучала без остановки. Я отложила все коммерческие заказы и шила только для себя. Тончайшее чёрное кружево легло в основу дерзкого бралетта, который собирал и приподнимал грудь. К нему я выкроила платье из плотного шёлка — строгое, тёмно-синее, слегка закрытое спереди со скромным декольте, но с провокационным глубоким вырезом на спине. Ткань струилась по бёдрам, выгодно подчёркивая каждый изгиб.

К вечеру пятницы пальцы дрожали, пока я застёгивала потайную молнию на пояснице. Внутри всё сжималось от страха и терзающих сомнений. Зачем я в это ввязываюсь? Мне тридцать три года, я двенадцать месяцев не была с мужчиной и собираюсь на свидание с человеком, которого видела только на отретушированных пикселях дисплея! Вдруг в жизни он окажется скучным занудой? Или маньяком? Или я буду на его фоне полной дурой?

Света крутилась рядом, посыпая воздух вокруг меня облаком своих дорогих духов.

— Так, прекрати гипнотизировать зеркало! — скомандовала она, разворачивая меня к себе за плечи. — Ты выглядишь как богиня! Роскошная женщина! Иди и порази его!

— Есть, мэм! Так точно, мэм!

Глава 7: Власть на одну ночь - Марина

Вадим ждал меня за столиком в глубине уютного ресторана. Высокий, статный, в идеально отглаженном костюме, крой которого мой профессиональный взгляд оценил в ту же секунду. Перед свиданием я старалась поменьше разглядывать его анкету, поскольку чем дольше я пялилась на экран, тем сильнее он мне нравился. Меня цепляла его лёгкая проседь в тёмных волосах, Вадиму было слегка за сорок, а ещё у него был аккуратный прямой нос и выразительные карие глаза. И сейчас я с невероятным облегчением поняла, что он оказался в точности таким, как на тех фотографиях! Едва я подошла, он поднялся. Его взгляд скользнул по моему платью, задержался на вырезе, и в глазах вспыхнул откровенный интерес. Приятно, чёрт возьми! Есть ещё порох в пороховницах! Юху!

— Вы заставляете мужчин забывать слова, Марина, — томно произнёс он.

Он подал мне руку, и когда его пальцы сомкнулись на моей ладони, по коже пробежал горячий электрический разряд. Боже — боже! Он так похож на героя из моих любимых любовных сериалов! Неужели такие мужчины взаправду бывают?!

— Надеюсь, к вам дар речи еще вернётся, — я постаралась улыбнуться непринуждённо, хотя сердце уже застучало быстрее, а ладошки вспотели. — Иначе нам предстоит очень тихий вечер...

— Ради вас я постараюсь, — он усмехнулся, не спеша выпускать мою руку.

Мы заняли столик в уединенной нише, скрытой от остального зала пышными зелёными растениями. Официант принёс меню и наполнил наши бокалы светлым вином. Первые полчаса пролетели незаметно за лёгкой, ни к чему не обязывающей беседой. Ох, я и забыла каково это... Вот так ходить на свидания, в хороший ресторан, в красивом платье, с прекрасным мужчиной и пить дорогое вино... М-м-м!

Вадим с интересом расспрашивал о моей работе и какие планы у меня в целом на жизнь. Оказалось, что за строгим костюмом скрывается мужчина с отменным, чуть циничным чувством юмора.

К тому моменту, когда нам подали горячее и второй бокал прохладного полусухого, хмель мягко размыл границы моей осторожности. Вадим не просто вёл беседу, он искусно играл со мной! Мужчина смотрел прямо в глаза, словно раздевая взглядом, и каждый раз, когда он смеялся над моей шуткой, его пальцы ненавязчиво, будто случайно, касались моих на скатерти. Каждое такое микроприкосновение отзывалось внизу живота тягучим жаром. Ну да, секса у меня не было давненько...

— О чем задумалась, красавица? — вдруг спросил он, подавшись ко мне.

Терпкий аромат его парфюма окутал меня, заставляя пульс участиться.

— О том, что ты слишком опасный собеседник... Просто невозможно от тебя оторваться... — выдохнула я, чувствуя, как краснеют щёки.

— Я ещё даже не начинал быть опасным, — его голос дрогнул, понизившись на октаву.

В этот момент навязчивый образ Макса с Алиной, горевший под сетчаткой, дрогнул и начал таять. Мне так сильно хотелось выжечь эту боль, перекрыть чужой триумф собственным безумием. Доказать себе, что я хороша, красива и желанна, что моё тело ещё способно сводить с ума сильных и успешных мужчин, поэтому я перешла к тяжёлым приёмчикам, начала с ним флиртовать, облизывать губки и выкатывать бюст на стол. Да пошло, да, возможно, низко... Но это подействовало!

— У меня дома есть бутылка потрясающего коллекционного вина, — Вадим скользнул взглядом по моим влажным губам, и я увидела, как он сглотнул. — Поедем ко мне, Марин? Обещаю шикарный вид с террасы. И ничего больше... если ты сама этого не захочешь.

Разум вдруг шепнул тормозить. Но тело, изголодавшееся по ласке и мужскому вниманию, уже всё решило!

— А поехали! — твёрдо ответила я.

***

В его квартире мы так и не дошли до террасы. Едва за нами щёлкнул замок входной двери, маска джентльмена слетела с Вадима. Он шагнул ко мне, впечатывая спиной в стену прихожей.

— Ах!

— Я смотрел на твои губы весь вечер и сходил с ума, — он наклонился так, что его губы почти коснулись моих. Я чувствовала каждое слово, каждое движение воздуха.

— Ну так перестань уже смотреть и просто действуй... — дерзко шепнула я, вплетая пальцы в его идеальную причёску с лёгкой проседью.

Его рот накрыл мой жадным поцелуем, выбивая из лёгких остатки воздуха. Шёлковое платье скользнуло по бёдрам и мягко осело на паркет. Вадим судорожно выдохнул, окинув взглядом моё тело в кружевном белье. В его глазах полыхал неприкрытый голод. Чужие, горячие и уверенные ладони поглаживали мою талию, сминали ягодицы, прижимая к сильному телу с головокружительной страстью.

Всё это время он смотрел на меня так, будто видел меня впервые. Будто всё, что было до — ужин, разговоры, смех — было лишь предисловием, а сладенькое начиналось сейчас... Его пальцы вновь легли мне на талию, и я почувствовала, как они дрожат от нетерпения.

— Ты не представляешь, что со мной делает это кружево, — прошептал он, и его голос сел до хрипоты.

— Представляю, — ответила я, стараясь показаться дерзкой. — Я же его сшила...

Он усмехнулся, но смех оборвался, когда я провела рукой по его груди, расстёгивая пуговицы рубашки одну за другой. Ткань разошлась, обнажая кожу, и я коснулась пальцами его ключиц, провела по плечам. Под моими ладонями мышцы напряглись, и он перехватил моё запястье, останавливая.

— Нет, — выдохнул он. — Сначала я.

Он опустился на колени. Я не успела возразить — его руки скользнули по моим бёдрам, и он потянул бельё вниз. Ткань скользнула по коже, и я почувствовала, как прохладный воздух сменяется обжигающим жаром его пылкого дыхания. Я прикусила губу, опёршись спиной о стену.

Вадим поднял мою ногу, сгибая в колене, и положил её себе на плечо. Его горячее, прерывистое дыхание обожгло внутреннюю поверхность бедра. А потом я почувствовала прикосновение его губ и нежного, требовательного тепла...

— М-м-м! Да-а-ах! — От удовольствия я закусила нижнюю губу.

Он начал медленно, изучая каждый миллиметр, словно читая самую сокровенную книгу. Его ласка была мягкой и властной одновременно, он кружил по чувствительной коже, и каждый штрих заставлял мои нежные мышцы сжиматься от предвкушения. Я вцепилась пальцами в его плечи и голову, и он сам застонал от этого движения. Похоже, ему нравилось, когда женщина берёт инициативу в свои руки.

Он дразнил меня, заставляя жадно подаваться навстречу, искать большего, а затем его прикосновения стали глубокими, исступлёнными, отнимающими последние силы, так что у меня подкашивались колени.

Он работал языком смело и настойчиво, вбирая меня целиком, пробуя на вкус, заставляя каждую клеточку тела отзываться на этот безумный ритм.

— Вадим, — выдохнула я, и голос прозвучал как мольба. Он ускорился. Его голос сорвался в хриплый, прерывистый стон, и каждый влажный выдох мужчины на моей коже отзывался внутри сладким, расплавленным жаром. Он не просто ласкал... Ох, нет - нет! Он

пил мои всхлипы, жадно ловя каждое движение моих бёдер, наслаждаясь тем, как я зарывалась пальцами в его волосы, теряя контроль над собой.

Он опустился ещё ниже, переходя на самую чувствительную грань, заставляя почти закричать от этого ослепительного ощущения — быть открытой, быть взятой, быть желанной! Я чувствовала лихорадочный пульс его губ, всю остроту его языка внутри себя, когда каждый его звук сливался с моими срывающимися стонами. Это было страстно и горячо! Это было именно то, чего я хотела...

Затем Вадим вернулся к самым чувствительным ласкам, меняя ритм и нажим, и я поняла, что он делает это осознанно — он читал меня, как сложную выкройку, понимая, где нужно добавить натяжение, а где отпустить... Ммм... Его ласка заставила всё внутри сжаться, поднимая тугую волну откуда-то из глубины живота.

Он ускорился. Его пальцы сжали мои ягодицы, притягивая ближе, и он плавно ввёл в меня руку, усиливая каждый жест в унисон с поцелуями. Это было слишком прекрасно. Я закончила с криком, который даже не пыталась сдержать. Мои бёдра дрожали, спина выгибалась, а он всё продолжал, не останавливаясь, пока последняя судорога не прошлась по моему изнеженному телу.

Я медленно сползла по стене, и он поймал меня, удерживая за бёдра. Поднялся, сияющий и взбудораженный. Он улыбнулся, подхватил меня на руки и понёс в спальню.

Я обхватила его за шею, чувствуя, как напряжены мышцы под моими пальцами. Он нёс меня так, будто я ничего не весила, и это ощущение — быть лёгкой, быть желанной, быть той, за кем охотятся — пьянило меня!

В спальне было полутемно. Лампа на прикроватной тумбе отбрасывала тёплые янтарные блики на белую постель. Вадим опустил меня на кровать, и простыни подо мной прохладно коснулись спины. Я зажмурилась на секунду, а когда открыла глаза, он уже расстёгивал ремень.

— Хочу кое-что предложить, — сказал он, и в голосе прорезалась хрипотца. — Если не испугаешься.

Я приподнялась на локтях, с интересом глядя на него. Он открыл ящик прикроватной тумбочки и вытащил защитные средства, два изящных кожаных браслета с карабинами и чёрную шёлковую повязку.

— Пристегни меня, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я хочу... хочу, чтобы ты делала со мной всё, что захочешь!

Сердце ёкнуло. Я смотрела на наручники, на повязку, на его лицо и видела в его глазах не просто какое-то физическое и пошлое желание... Он хотел отдать мне контроль. Он хотел, чтобы я взяла его...

— Ты уверен? — спросила я, и голос прозвучал ниже обычного.

— Абсолютно. Только, — он усмехнулся, но усмешка дрогнула, — будь со мной пожёстче. Я хочу чувствовать всё максимально ярко!

Он освободился от одежды, демонстрируя крепкое, атлетичное тело.

Я бросила взгляд на его плоть и невольно замерла: не длинный, но плотный, с толстым основанием и аккуратной круглой головкой с чётко очерченным краем — он напоминал крепкий боровик, налившийся соком после летнего дождя.

Вадим раскатал латекс по самому сладкому месту на своём теле и замер на мгновение, ожидая моих действий. Я взяла шёлковую повязку, нежно провела прохладной тканью по его щеке. Он прикрыл глаза, и я увидела, как дрогнули его ресницы. Медленно, смакуя каждый миг, я завязала повязку у него на затылке, скрывая его взгляд. Он стал полностью зависимым от моих прикосновений, и от этого внутри разлилось опьяняющее, сладкое чувство абсолютной власти.

— Ложись, — властно сказала я.

Он послушно опустился на кровать, вытянулся во весь рост, и его руки сами собой потянулись к изголовью. Я взяла мягкие кожаные браслеты с бархатистой подкладкой и пристегнула его левое запястье к спинке кровати, затем правое. Карабины щёлкнули, и он проверил движение рук — бесполезно, не вырвется.

— Вот так, — прошептала я, нависая над ним, чувствуя себя хозяйкой положения. По груди мягко коснулись его и он сглотнул. Он улыбнулся и тут же торопливо спрятал свою улыбку. — Теперь ты мой.

— Да! — выдохнул он, и в этом слове было столько облегчения, будто он ждал этого момента всю жизнь.

Я медленно провела пальцами по его груди, спускаясь ниже. Его мышцы напрягались под моими ладонями, и я чувствовала, как он дрожит от предвкушения.

Он был горячим и полностью готовым. Я коснулась его, чувствуя идеальную твёрдость, а затем плавно опустилась сверху. Старалась аккуратно, учитывая паузу в личной жизни... Но он вошёл в меня мягко и глубоко — я была полностью раскрыта и ждала его. Я замерла на секунду, ощущая каждую линию, каждый изгиб.

— Пожалуйста... — прошептал он.

Я начала двигаться. Сначала медленно, плавно, привыкая к размеру шляпки и темпу. Но он качнулся навстречу бёдрами, давая понять, что хочет большего.

— Быстрее, — выдохнул он. — Пожёстче.

Я ускорилась. Теперь я владела им полностью, скача на нём жадно, вбиваясь в него с каждым движением. Мои ладони лежали на его груди, и я чувствовал, как бешено, сбивчиво бьётся его сердце. С каждым моим толчком он судорожно подавался навстречу, впечатываясь в меня всем телом, теряя контроль от этой напористой страсти.

— Вот так? — спросила я, и голос прозвучал низко, почти с рыком.

— Да... — он закусил губу, запрокинув голову. — Да, то, что надо, да...

Я брала его жёстко, властно, без лишней нежности. Я подчиняла его своим ритмом, чувствуя, как он заполняет меня целиком, как напрягаются его мышцы, а дыхание становится обжигающим и рваным. Я ускорилась до предельной черты, вбиваясь в него снова и снова. Его руки дёрнули наручники, и кожаные ремни натянулись до предела. Он рвался на свободу — но не мог сдвинуться с места.

— Я сейчас... — выдохнул он, и я почувствовала, как он начинает пульсировать внутри меня.

— Нет, — произнесла я властно, резко останавливаясь.

— Только когда я разрешу.

— Ты с ума сошла... — простонал он с улыбкой на лице.

Я слегка коснулась его щеки ладонью и прикусила плечо, заставляя замереть на грани. Мой горячий, сильный любовник полностью таял подо мной, словно воск. Я снова задвигалась — теперь медленно, мучительно-тягуче. Он стонал, извиваясь подо мной вслепую, полностью во власти моих рук и моего тела. Я владела им безраздельно.

— Прошу, — прошептал он пересохшими губами. — Марина, умоляю...

Я резко ускорилась. Волна внутри меня взметнулась девятым валом, и я почувствовала, как он срывается следом за мной. Я вжалась в него в последний раз, и мы рухнули в общую бездну — я, сжимаясь вокруг него горячими волнами, он, выгибаясь дугой и выдыхая моё имя.

Я медленно слезла с него, переведя дыхание. Внутри меня разливалось удивительное, невероятное ощущение счастья: неужели это всё по-настоящему со мной? Мне было так легко, приятно и радостно, тело налилось силой, и каждая клеточка кричала о том, что я привлекательна, желанна и прекрасна! Неужели мне повезло?!

Его руки всё ещё были пристёгнуты, и я неторопливо расстегнула карабины — сначала левую руку, потом правую. Вадим тут же сорвал повязку и посмотрел на меня. В его глазах читалось дикое, абсолютное удивление. И глубочайшее уважение.

— Это было... это было невероятно, — прохрипел он в восхищении.

Я перевела дыхание, чувствуя приятную, расслабляющую тяжесть во всём теле. На часах светилась половина третьего ночи. В голове уже созрел вполне логичный план: остаться до утра, чтобы не греметь ключами в коридоре и не будить Светку с Тимошкой. Я только приоткрыла рот, собираясь озвучить эту безобидную просьбу, как мой пылкий любовник резко сел на кровати и разом сбросил с себя остатки недавней томности.

— А теперь... пошла вон!

Глава 8: Пощекочи меня ресничками - Марина

Раскалённый воздух спальни после вулканического секса мгновенно заледенел, пощипывая обнажённую кожу. От удивления и резкой перемены в настроении своего любовника я просто разинула рот.

— Что? — часто моргая, попыталась сфокусировать на нём взгляд.

— Я говорю: проваливай, — Вадим брезгливо поморщился, вставая с постели. — Ты получила удовольствие, я получил удовольствие. Теперь я хочу побыть один.

Он небрежным жестом указал на дверь и, сверкая голым задом, направился в сторону ванной. У меня перехватило дыхание. Ощущение было такое, словно меня ударили под дых. Моя только-только проснувшаяся уверенность и страстный дурман разлетелись на мелкие, режущие осколки.

До сегодняшней ночи в моей жизни был только один мужчина. Мой бывший муж... Я отдала ему свою девственность, и за все годы брака даже помыслить не могла о ком-то другом. Для меня близость всегда означала доверие, нежность, душевную привязанность...

А вот это сейчас был мой второй мужчина... И я очень хотела, чтобы связь тоже стала особенной... Но он просто использовал меня как живую секс-игрушку и вышвырнул вон! И о чём я только думала! Дура! Насмотрелась сериалов о любви! Ага!

Пальцы тряслись от душащей обиды и жгучего унижения, пока я судорожно натягивала на себя свой роскошный наряд, внезапно показавшийся мне дешёвыми тряпками для шлюхи. Я едва успела застегнуть потайную молнию, как из приоткрытой двери душевой кабины донёсся его насмешливый голос.

— И даже не думай что-то стащить! — Вадим высунулся из-за матового стекла, самодовольно подмигнув. — Я юрист, я тебя засужу. Помни об этом, детка.

— Вот урод! — прошипела я, сглатывая едкие и позорные слёзы.

Я пулей выбежала в коридор, влезла в туфли, накинула тренч и выскочила в подъезд. Ноги подкашивались от пережитого. Хотелось прямо здесь осесть на ступеньки и свернуться в клубочек. Но я заставила себя успокоиться. Я одна, посреди ночи, в абсолютно незнакомом районе. Нужно срочно вызывать такси и ехать домой!

Уже через полчаса я тихонько проворачивала ключ в замке. Убедившись, что ни Света, ни Тимошка не проснулись, я тенью прошмыгнула в ванную и встала под горячие струи воды.

Я тёрла кожу мочалкой с остервенением, пыталась содрать с себя не только его слюни и отпечатки пальцев, но и саму память об этой мерзкой ночи. Особое внимание я уделила промежности, намыливая всё до скрипа. Слёз уже не было. Не-а! На смену жалкой растерянности пришла кипящая злость!

Что за дичь вообще сейчас произошла? Неужели на этих сайтах знакомств обитают только моральные уроды? Ё-моё, это же серьёзный сорокалетний мужик! Юрист! Днём он выступает в суде, носит строгий костюмчик, цитирует конституцию и защищает людей. А по ночам пристёгивает себя наручниками к кровати и вышвыривает женщин за порог? Интересно, а его самого можно засудить за моральный ущерб? Хотя за что? Всё же было по обоюдному согласию...

Фу! Какая же гадость! Глядя на сброшенное в корзину шёлковое платье и кружевное бельё, я испытала жгучее желание облить их бензином и сжечь.

Выйдя из душа, я без сил рухнула на диван в своей комнатке. И вдруг, к своему величайшему удивлению, обнаружила странную лёгкость в теле. Абсолютно непривычное, забытое ощущение. Я даже не замечала, насколько сильно была зажата весь этот год, как всё внутри тянуло от накопившегося стресса, боли и неудовлетворённости. А сейчас мышцы расслабились и тяжесть ушла...

Что творит оргазм с людьми. Неужели я и правда... разрядилась? Ну, значит, от этого больного на всю голову юриста была хоть какая-то польза!

***

Разумеется, наутро мне устроили допрос с пристрастием. Светка оперативно спровадила Тимку смотреть мультики, а сама коршуном накинулась на меня.

— Уихихихи! Давай! Выкладывай всё! — Она аж повизгивала от предвкушения, потирая ладошки как гнусная муха.

Я сидела за столом, нервно вертела в руках кружку с кофе и неловко поджимала губы. Вспоминать ночное унижение не хотелось совершенно. Это был удар ниже пояса.

— Чего такое? — нахмурилась она и, округлив глаза, плюхнулась на стул рядом. — У него писюн мелкий?

— Фу-у-у! — Я брезгливо сморщилась, живо вспомнив его член, похожий на боровик, и закрыла пылающее лицо ладонями. — Ну да, он не шибко длинный, но вообще не это главное!

Меня аж замутило от нахлынувших воспоминаний, и я рефлекторно схватилась за живот.

— Марина, мне из тебя клещами, что ли, информацию тянуть? — Светка деловито сцепила руки в замочек на пузике.

— Слушай, там такое было...

— Да какое такое?! — не выдержала она, сотрясая воздух руками.

— Тихо ты! Тимоха сейчас прибежит! — осадила я её дрызг эмоций. — Короче, пришла я в ресторан...

— Ага... — Светка подпёрла щёку рукой и уставилась на меня совершенно плотоядным взглядом.

— Смотрю, сидит мужик. Красивый, высокий, — я снова скривилась, вспоминая эту поганку в латексе. — Короче, прям как с киноэкрана! Всё было классно, мы побеседовали, вкусно поели, и он предложил поехать к нему.

— А кто платил? — она тут же подозрительно нахмурилась.

— Что кто платил? — напряглась я.

— Счёт в ресторане кто оплатил?

— Он.

Она удовлетворённо кивнула и махнула рукой, разрешая продолжать.

— Он мне... — Я затравленно оглянулась проверить, нет ли Тимки поблизости, а то этот внезапный малыш умеет появляться в самое ненужное время и в самом ненужном месте, а затем перешла на едва слышный шёпот. — Отлизал...

— Ах! — Светка закрыла рот ладошками, затем вскочила с места и принялась радостно трясти задницей. — Молодец, подруга! Так держать! Давай пятюню!

Я вяло отбила ей пять. Света радовалась так, будто сама вчера сходила на свидание, причём удачно.

— А потом он попросил пристегнуть его, завязать глаза и отжарить, — выпалила я на одном дыхании.

Светка замерла в нелепой позе и посмотрела на меня очень внимательно.

— В смысле отжарить? Только не говори, что тебе пришлось его... ну, ты понимаешь... — она многозначительно поиграла бровями. — Ну это, сзади, так сказать...

— Фу, нет! Этого ещё не хватало! — Я влепила себе звонкий фейспалм. — В общем, я просто его трахнула. Ему, видимо, нравится, когда девушка доминирует...

— Слушай, ну это ещё лёгкий случай! Если мужик по доминатрикс, то там его так вертеть-крутить можно, что о-о-ой!

— Доминатрикс?

— Забей, это точно не про тебя. Чего дальше-то было?

— Ну, после секса он сказал, чтобы я убиралась прочь из его квартиры. И чтобы ничего не украла, иначе он меня засудит, — я растерянно развела руки в стороны.

Света простояла в ступоре секунд пять, а потом просто взорвалась хохотом. Да уж, подруга года. Мне и так тошно и стыдно за весь этот кошмар, а она ржёт. И ведь ржёт до хрюков, с икотой, чуть ли под стол не укатилась!

— Све-е-ет... — обиженно протянула я.

— Прос... ах-ха-ха... прости! Ах-ха-ха! Ой, не могу! Какая ржака! — она обессиленно осела на стул напротив меня, держась за живот.

— Мне вот вообще не смешно. Мной воспользовались и посреди ночи выкинули на улицу!

— Про-с-с-сти, — Света никак не могла унять смех. — Ну долбан он! Понимаешь?! Слушай, это ещё ничего! Я, конечно, понимаю, что тебе очень обидно, всё-таки первая связь за такой долгий срок. — Света проморгалась и вытерла выступившие слёзы. — Но поверь, на сайтах знакомств таких чудиков пруд пруди! Ты знаешь... — она вдруг резко посерьёзнела. — Я когда с Володькой развелась, чувствовала себя паршиво. Хотя чего я тебе рассказываю, ты и сама всё прекрасно понимаешь...

Конечно, я понимала. Мы обе были в разводе, но ситуации у нас кардинально отличались. Мой муж предал меня и сам вычеркнул из жизни после стольких лет, а её Володя ушёл по её же указке. В какой-то момент Света с бывшим просто осознали, что больше не любят друг друга, что страсть ушла. Там не было громких драм или грязных измен, просто два человека разошлись по обоюдному согласию. Мирный развод.

Но даже такой развод ощущается как маленькая смерть. Ведь ты волей-неволей привыкаешь к человеку, он становится тебе родным, практически частью тебя самого. Для меня же развод с Максом ощущался так, словно мне без наркоза ампутировали руку. Ведь он был моим первым и единственным мужчиной. Мы срослись жизнями, общими привычками, планами на будущее... И когда он ушёл к другой, я осталась инвалидом, который по привычке пытается взять кружку несуществующей рукой, каждый раз сталкиваясь с фантомной болью и леденящей пустотой. Возможно, у Светки внутри происходило нечто похожее...

— Ну и вот, — продолжила она. — Я тогда, чтобы заглушить в себе это чувство одиночества, тоже нашла себе мужичка на сайте. Пха-ха! — она вдруг снова прыснула. — Ля, как вспомню, аж плакать и ржать охота! Я тебе не рассказывала, да вообще никому не рассказывала, потому что это было стрёмно и стыдно... В общем, мы с ним тоже как-то пообедали, прошвырнулись по набережной, он мне столько моим наращенным ресницам комплиментов отвесил — мама не горюй! Я ещё подумала, что это прям странно, потому что обычно мужикам пофиг на ресницы, брови и так далее. Пхаха! И такой: туды-сюды, ты мне понравилась, давай, мол, как два одиноких человека удовлетворим друг друга. А там по набережной ряды скамеек каскадом вверх идут, чтобы на воду смотреть, и куча всяких кустов и цветов вокруг. Я-то думала, мы поедем к нему. Ну или в гостиницу на худой конец! Но нет, куда там! Он потащил меня прямо в кусты. Ну я и думаю: ладно, а почему бы и нет? На набережной секса у меня ещё не было, интересно же. Он захотел оральных ласк для разогрева, а потом перейти уже в горизонтальную плоскость прямо под кустом. Ладно, мы не из брезгливых. Я, собственно, его обслужила, а он отрывает меня от себя... ах-ха-ха! Пха-ха! Отрывает... ах-ха-ха!

Я терпеливо подождала, пока у Светы пройдёт очередной приступ безумной ржаки.

— И такой на полном серьёзе мне выдает: пощекочи мне яички своими ресничками! Ха-ха-ха!

Я сидела с приоткрытым ртом, пытаясь визуализировать эту картину. Пышногрудая Светка, грязные кусты на набережной, романтика ночного города и... щекотание ресничками. Секунду я пялилась на Светку в абсолютном шоке, а потом меня просто прорвало. Сначала это был тихий истеричный писк, но затем из груди вырвался такой хохот, что я согнулась пополам,

ударившись лбом о столешницу. Мы ржали в два голоса, хрюкая, всхлипывая и размазывая по щекам слёзы.

— Я клянусь, я так ржала! — вопила Света сквозь слёзы. — Меня было слышно аж на другом берегу! Ну он обиделся, оскорбился и свалил. Я в таком шоке была, нет, ну ты представь, идиот! Ах-ха-ха!

Наш припадок прервала протяжная вибрация моего смартфона. Телефон противно заелозил по столу, и на экране высветился входящий вызов от контакта «Муж»...

От автора:

Ну что, перевели дух после истории с ресничками? А теперь признавайтесь: у кого тоже ёкнуло сердце на последних строчках?

Мужики с сайтов знакомств — это, конечно, тот ещё квест, но бывший муж, внезапно решивший воскреснуть из небытия — это уже катастрофа!

Ставьте лайк, если ждёте продолжения, и пишите в комментариях, стоит ли Марине вообще брать трубку?

Глава 9: Звонок из прошлого - Марина

Радостный смех, ещё секунду назад звеневший на кухне, застрял у меня в горле. Я уставилась на экран смартфона, по которому неумолимо ползли три до боли знакомые буквы. Сердце ухнуло в желудок, болезненно сжалось, а затем забилось о рёбра с такой силой, словно пыталось проломить грудную клетку.

Шестнадцать лет мы были единым целым. Мы делили одну постель, одни мечты, планировали детей, а потом он просто вычеркнул меня из своей реальности. Хладнокровно, без единого шанса на диалог, променял на ту рыжую девицу, чей парфюм въелся в воротники его рубашек задолго до моего осознания катастрофы... Он исчез, растворился, словно его никогда и не существовало. И вот теперь, после года забытья, он звонит. Зачем? Что ему могло понадобиться от женщины, которую он сам же безжалостно стёр в порошок?

— Почему он до сих пор записан как муж? — Света брезгливо сморщилась, глядя на разрывающийся от вибрации телефон.

— Забыла переименовать, — ответила я севшим голосом.

Я не хотела ему отвечать. Пальцы онемели от нахлынувшего ледяного оцепенения. Экран погас, подарив секундную иллюзию спасения, но тут же загорелся снова. Второй звонок. За ним, без малейшей паузы, начался третий. Поняв, что этот человек никогда не отступал от своих намерений и просто так не отстанет, я непослушной, дрожащей рукой свайпнула по зеленой иконке и поднесла динамик к уху.

— Да? — едва выдавила я, пересохшими губами.

— Привет, Марина.

От одного только звучания его голоса в груди мгновенно защемило. Знакомый до мелкой дрожи, низкий бархатный баритон ударил прямо по незажившим ранам, безжалостно срывая с них хрупкие корочки. Внутри всколыхнулась целая буря похороненных эмоций. В трубке повисла неловкость. Мы молчали, слушая дыхание друг друга.

— Чего тебе? — мой голос дрогнул, выдавая с головой всю степень моего волнения.

— Я не стал бы звонить просто так, — Макс горестно вздохнул, и от этого по моей спине пробежал холодок нехорошего предчувствия. — Захар Андреевич умер.

После этих страшных слов пространство вокруг меня исказилось. Кухонный гарнитур, чашка с недопитым кофе, лицо Светы — всё качнулось и поплыло, теряя чёткие контуры. Я вцепилась свободной рукой в острый край столешницы, пытаясь удержать равновесие на внезапно ушедшем из-под ног полу.

— Марина? Ты меня слышишь? — голос Максима настойчиво прорывался сквозь нарастающий гудящий шум в моих ушах, словно он говорил из-под толщи воды. — Возьми себя в руки и выслушай!

— Когда? Как? — выпалила я сквозь резко подступившие слёзы, обжигающие веки.

Света смотрела на меня совершенно ошарашенно, замерев и, кажется, перестав дышать. В её глазах читался немой вопрос, на который я пока не могла ответить.

— Неделю назад, — в тоне бывшего мужа проскользнул холодный укор. — Со мной связался нотариус. Оказывается, его уже похоронили. Организацией занимались соседи и двоюродная племянница. Нотариус сказал, чтобы мы с тобой немедленно летели в Ялту. На днях будут зачитывать завещание, и тебе там тоже положено быть. До тебя не смогли дозвониться, ты постоянно скидывала. Попросили меня связаться...

И правда... Всю последнюю неделю мой номер безжалостно атаковали спамеры с агрессивными предложениями кредитов и медицинских услуг... Я, находясь в перманентном раздражении от обилия работы и скама, просто сбрасывала все вызовы с незнакомых номеров. Я просто... Я даже... не думала, что мне могут позвонить вот по такому страшному поводу!

— Я напишу тебе, как приду в себя, — прошептала я, почти не шевеля губами, и нажала отбой.

Телефон выскользнул из ослабевших пальцев на стол. Горло сдавило невидимым стальным обручем такой силы, что я не могла сделать ни единого вдоха. Захар Андреевич. Добрый, невероятно светлый старик с паутинкой глубоких морщин у смеющихся глаз. Человек, который никогда не был мне кровным родственником, но стал гораздо ближе многих. Он всегда относился ко мне с поразительной теплотой, называл «дочкой» и всегда вставал на мою сторону в наших редких ссорах с Максом.

В памяти яркими, безжалостными картинками возникли его недавние звонки. Я вспомнила его уютный дом, увитый виноградом скрипучий деревянный балкон, терпкий запах кипарисов, смешанный с солёным бризом. Он ведь так настойчиво звал в гости в последний месяц! Уговаривал приехать на побережье, отдохнуть от суеты. А я раз за разом отказывалась, трусливо прикрываясь выдуманными авралами!

Я променяла последние дни рядом с искренне любящим меня человеком на глупый эгоистичный страх перед собственным прошлым! Теперь я больше никогда его не увижу. Никогда не услышу его раскатистый, слегка хриплый смех, не почувствую шершавое прикосновение его натруженных рук, не обниму за сутулые плечи. Ну что же я натворила?! Совесть диким зверем впилась в душу острыми когтями, безжалостно разрывая её на кровоточащие лоскуты. Чувство вины накрыло меня с головой тёмной волной, заставляя задыхаться от горьких, душащих слёз. Мне было так паршиво, так невыносимо стыдно за собственную трусость, что хотелось буквально провалиться сквозь землю. Я закрыла лицо дрожащими ладонями и согнулась пополам, горько расплакавшись.

Светка тут же бросилась ко мне. Она гладила меня по судорожно вздрагивающей спине, шептала на ухо какие-то бессвязные утешительные слова, пытаясь вернуть меня в более-менее адекватное состояние. Поняв, что уговоры не работают, подруга метнулась к шкафчику и загремела своей аптечкой. Через минуту она буквально силой разжала мои руки и заставила выпить стакан воды с растворенным в нём мощным транквилизатором. Вода отдавала мелом и горечью.

В этот момент телефон на столе снова противно завибрировал. Макс. У меня не было физических сил даже поднять отяжелевшую от слёз голову, не то что вести беседы! Света, чьё лицо моментально исказилось от ярости, раздражённо схватила мобильный и резким движением ответила на вызов.

— Чо трезвонишь?! — с ходу зашипела она в трубку, и я сквозь пелену слёз видела, как гневно раздуваются её ноздри.

Она явно намеревалась выплеснуть на моего бывшего мужа весь концентрат ненависти, который старательно копила целый год. Это был её идеальный шанс отчихвостить его за все мои переживания, за потерю веса, за потерю себя и разрушенную жизнь. Но вдруг Света осеклась на полуслове. Она выдохнула, прикрыла глаза, словно борясь с внутренним демоном, и заметно сбавила тон. До неё дошло, что сейчас не подходящее время для сведения старых счётов. В конце концов, Максим только что сообщил о смерти, он тоже потерял близкого, и устраивать базарные разборки в такой момент было бы ниже её достоинства.

Дальнейший разговор доносился до меня отдалённо. Света говорила короткими фразами, исключительно по делу. По её лицу было видно, как сложно ей даётся эта дипломатия, и как чешется язык послать его к чёрту. В итоге она поставила в разговоре точку, до чего-то с ним договорившись, сбросила вызов и снова опустилась на стул рядом со мной.

Но я уже не могла ни о чём расспрашивать. Сильные медикаменты стремительно начали действовать, замедляя пульс и сглаживая острые углы реальности. Химический туман растворял мою панику, сковывал мышцы и безжалостно погружал измученное сознание в неотвратимый сон, пряча от боли хотя бы на несколько часов...

Глава 10: Горькое послевкусие - Максим

Расставание с Мариной далось мне куда тяжелее, чем я мог себе представить в самых пессимистичных прогнозах. Я был уверен, что рублю этот узел ради нашего общего блага.

Всё-таки мы были вместе шестнадцать лет. Шестнадцать лет — это не просто штамп в паспорте, это целая эпоха. Я сильно прикипел к ней душой, она вросла в меня намертво. Но я больше не хотел её мучить. Не хотел изо дня в день требовать невозможного — чтобы она стала другой, чтобы наши шестерёнки снова совпали.

Спустя годы совместной жизни пришло горькое, но отрезвляющее понимание: мне нужна женщина совершенно иного, более практичного склада характера. Да и в постели мы давно перестали совпадать, наши темпераменты и желания разъехались по разным полюсам. Я искренне верил, что будет честно отпустить её, дать шанс на нормальное будущее, пока мы окончательно не возненавидели друг друга.

Но как же паршиво мне было в первые месяцы! Оказалось, свобода имеет довольно горькое послевкусие...

Марина стала моим ментальным близнецом, моей второй кожей. Возвращаясь вечерами в пустую квартиру, я по инерции прислушивался, ожидая уловить звук её шагов с кухни или из спальни. Моя рука сама тянулась к телефону, чтобы проверить мессенджер — не прислала ли она список продуктов, не скинула ли очередной смешной мем. Но экран оставался черным. Её не было. И это вводило меня в ступор. Пару раз от навалившейся тоски и осознания непоправимости я напивался в хлам, сидя в одиночестве на кухне, тупо глядя в стену и заливая сосущую дыру в груди крепким алкоголем.

И я бы, наверное, долго барахтался в этой жалости к себе, если бы не Алинка. Мой рыжик. Мой лучик, пробившийся сквозь серую хмарь послеразводного - да и чего уж там - доразводного депресняка.

Сближаясь с ней, я с каждым днём всё глубже увязал в её сумасшедшей энергетике. Она была полным антиподом моего прошлого. Её история восхищала меня не меньше, чем её внешность. Родители Алины всю жизнь были простыми рыночными торгашами. Но однажды удача повернулась к ним лицом: мать купила лотерейный билет, который принёс семье невероятные триста миллионов. И вот за что я испытывал к этим людям колоссальное уважение — они не спустили эти сумасшедшие деньги в унитаз, как делает большинство внезапно разбогатевших бедолаг. В них проснулась настоящая предпринимательская жилка. Они грамотно инвестировали: открыли сеть пунктов выдачи заказов, выкупили три просторные квартиры под сдачу, обеспечив себе железобетонный пассивный доход.

Но самое главное и мудрое решение касалось дочерей. Алинке и её сестре Оле родители поставили строгое условие: дальше сами. Каждой выделили хороший стартовый капитал, оплатили образование, и на этом финансовый краник перекрыли. Хочешь красиво жить — умей вертеться. И Алинка сумела. Она вложила деньги в открытие салона красоты. Вкалывала сутками, контролировала мастеров, сама вела бухгалтерию, и дела пошли в гору с такой скоростью, что вскоре открылся второй салон. Оля пыталась не отставать — запустила три прибыльные кофейные точки, но куда ей до сестры?

Деловая хватка Алины, сумевшей выстроить стабильный бизнес всего за пять лет, вызывала во мне трепет.

Я не мог ею надышаться. Эта роскошная, уверенная в себе красотка буквально сбивала меня с ног своей ураганной страстью и прямолинейностью. Она не играла в недомолвки. Она сразу обозначила, кто она и чего хочет от жизни. Ей понравилась моя квартира и она переехала ко мне почти сразу. Но с одним условием: мы делаем капитальный ремонт. И она не про-

сто командовала, она вложилась в него наравне со мной. Выкинула старую мебель, хранящую память о Марине, наняла бригаду, выбрала дорогие материалы.

Алина взялась за мою жизнь основательно, словно искусный скульптор за глыбу камня. Она помогла мне найти новую работу — устроила в логистическую компанию к парню своей сестры. Моя зарплата моментально взлетела вдвое. Я чувствовал себя победителем, но вскоре начал замечать странную подковёрную игру. У них с Олей существовало какое-то негласное соревнование. Чей бизнес круче, чья машина новее, чей мужик успешнее... И моя тигрица начала натаскивать меня, чтобы я подсидел её зятя и занял его кресло начальника отдела. Это вызывало во мне сопротивление. Я только-только свыкался с новой должностью, с новым коллективом, с новой жизнью... Всё закрутилось слишком быстро. Да и жених Оли оказался отличным мужиком — он помогал мне вникать в процессы, страховал перед выше стоящим руководством, и по-свински теснить его мне совершенно не хотелось!

Алина на этом не останавливалась. В один из вечеров она критично оглядела мою фигуру и прямо заявила, что рядом с такой эффектной бизнесвумен «скуфу» не место. Это слово хлестнуло, как пощёчина. Действительно, на маринованных полуфабрикатах и вечерних пивных посиделках я прилично опух, отрастил рыхлый живот и потерял былую хватку. Пришлось купить абонемент в фитнес-клуб и начать тягать железо до кровавого пота, приводя себя в соответствие с её стандартами.

Внешне всё шло своим чередом. Жизнь налаживалась. Я никогда не гнался за красивым фасадом ради чужого одобрения — дело было совсем в другом. Мне просто нужна была подстраховка. Страх снова оказаться на улице, как тогда, мальчишкой, сидел слишком глубоко в подкорке. Я хотел успешной, сытой жизни, хотел просыпаться с абсолютной уверенностью в завтрашнем дне и больше никогда не считать копейки. И вот, казалось бы, я получил всё, к чему так отчаянно стремился. Но под рёбрами постоянно ворочалось гложущее чувство тревоги. Мне было неспокойно, и я никак не мог нащупать причину этого нарастающего дискомфорта...

Первое время после развода мне активно выносил мозг Захар Андреевич. Старик звонил регулярно, вздыхал в трубку, пытался вразумить, давил на совесть. Требовал одуматься, вернуться к Марине, приехать к нему в Крым на мозговой штурм. Я раз за разом терпеливо, но твёрдо пытался донести до него простую истину: нам с Мариной по отдельности дышится гораздо легче. Мы переросли этот брак. Хотя, откровенно говоря, по ночам, когда Алина отворачивалась к стенке, привычка брала своё, и я ловил себя на мысли, что скучаю по мягкости бывшей жены. По её умению прощать, по её дурашливости и невинности...

В какой-то момент Захар Андреевич понял, что стена непробиваема, и отстал. Его звонки прекратились, и я испытал огромное облегчение, даже не подозревая, чем обернётся это молчание.

А потом конфетно-букетный период с Алиной резко закончился. Розовые очки разбились стёклами внутрь, и начался болезненный этап притирки. Выяснилось, что моя роскошная женщина не переносит быт. Она не собиралась стоять у плиты — мы питались исключительно доставками из ресторанов. Она не прикасалась к тряпкам и пылесосу — раз в две недели вызывала бригаду клининга. Это удовольствие влетало в копеечку, бюджет таял на глазах...

Однажды вечером, споткнувшись о её брошенные в коридоре туфли и увидев гору немытых чашек, я сорвался. Случилась первая серьёзная перепалка. Я на повышенных тонах посоветовал ей вспомнить, что она женщина, и сделать элементарные вещи по дому. Я привёл в пример Марину, которую достаточно было слегка ткнуть носом, и дома воцарялся порядок. Это была моя фатальная ошибка. Алина встала на дыбы. Её глаза метнули молнии. Она процедила сквозь зубы, что пашет как проклятая не для того, чтобы драить унитазы. Что она зарабатывает достаточно, чтобы позволить себе комфортный сервис, и если меня что-то не устраивает — я могу сам надеть фартук. А потом последовал контрольный выстрел: она напомнила, что вложила огромные суммы в ремонт этой квартиры, потому что «не собиралась жить как

бомжиха в твоём совковом интерьере». Крыть было нечем. В этом она была права. Я заткнулся, проглотив уязвлённое самолюбие...

Но с того дня претензии посыпались как из рога изобилия, цепляясь к самым мелким поводам. Алина требовала от меня больше агрессии в работе, снова и снова возвращаясь к идее подсидеть Олиного жениха. Потом её перестал устраивать мой гардероб. Она заявляла, что я выгляжу недостаточно статусно, таскала меня по бутикам, заставляла покупать вещи, в которых я чувствовал себя ряженым клоуном. Меня это выморaживало. Да, я понимал, что мужчины часто закисают без женского контроля, что грамотная критика работает как хороший пинок для развития, но должна же быть какая-то мера! Я превращался в её очередной проект, в аксессуар, который должен идеально подходить к её сумочке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.